

„Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Но се — восток под'емлет вой!...
Поникни снежною главою,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!“

А. С. Пушкин („Кавказский пленник“).

Вместо введения 2 документа

15-го января 1939 года в центральном органе советского правительства в газете „Известия“ было опубликовано следующее сообщение советского официального агентства—ТАСС: „Пятилетие Чечено-Ингушетии“. Грозный. 14 января (ТАСС). Пять лет тому назад 13 января 1934 года, две народности Кавказа — чеченцы и ингуши родственные по своему языку, культуре и быту объединились в одну автономную Чечено-Ингушскую область. 5 декабря 1936 года область была преобразована в автономную советскую социалистическую республику. История Чечено-Ингушетии — это десятилетия кровавой борьбы свободолюбивого народа против колонизаторов и национальной буржуазии, являвшейся опорой царизма. Неузнаваемой стала Чечено-Ингушетия за годы советской власти. За колхозами республики государственными актами закреплено на вечное пользование свыше 400 тысяч гектаров земель, 92,7 процента крестьянских хозяйств объединены в колхозы. Создана крупная нефтяная промышленность. Открыты новые нефтеносные районы — Малгобек, гора Горская. Построены два крекинг-завода, машиностроительный завод „Красный молот“. Заново созданы пищевая, легкая, химическая и местная промышленность. Под солнцем Сталинской Конституции пышно расцвела национальная по форме и социалистическая по содержанию культура чечено-ингушского народа. До революции в Чечено-Ингушетии было 3 школы. Сейчас в 342 начальных и средних школах обучается более 118 тысяч детей. Высшие учебные заведения, техникумы, рабфаки ежегодно готовят сотни инженеров, техников, учителей и др. Все эти успехи достигнуты в упорной борьбе с врагами на-

рода — троцкистами, бухаринцами, буржуазными националистами, пытавшимися отнять у трудящихся завоевания Великой Октябрьской социалистической революции“.

23-го февраля 1944 года т. е. ровно через пять лет в течении буквально 24 часов поголовно все население Чечено-Ингушской Республики арестовывается и начинается его погрузка в арестанские эшелоны для отправки в неизвестное направление. Еще через два года и четыре месяца в том же центральном органе советского правительства — „Известия“ был опубликован задним числом „Указ президиума Верховного Совета РСФСР“ „О ликвидации Чечено-Ингушской советской республики и выселении ее населения“ (но опять без указания места выселения). Указ Верховного Совета об этом от 25 июня 1946 года приводит официальный мотив выселения в следующей редакции: „Многие из чеченцев и ингушей подстрекаемые немецкими агентами присоединились добровольно к организованным немцами формированиям и вместе с немецкими вооруженными силами выступали с оружием в руках против красной армии. Во исполнение немецких приказов они организовывали банды, которые должны были напасть на советское правительство с тыла. Большая часть населения Чечено-Ингушской республики не оказали этим предателям родины никакого сопротивления. Поэтому Чечено-Ингушская республика ликвидируется и с выселением ее населения“.

Так обрывается вековая история Чечено-Ингушетии с снесением с географической карты СССР целой республики и исчезновением из употребления национального имени чеченец или ингуш. Однако, официальный мотив уничтожения этого народа — коллаборация с немцами рассчитан на невежество советского народа и на неосведомленность запада. Несколько забегаю вперед отметим следующие два решающие факта: 1) Во время второй мировой войны ни разу не было ноги немецкого солдата на территории Чечено-Ингушской республики, если не считать кратковременное занятие пограничного местечка Малгабек, населенного русскими. 2) Присоединяться к немецким формированиям чеченцы и ингуши и физически не могли, так как в Чечено-Ингушетии не было обязательной мобилизации, за все время существования Чечено-Ингушетии, а частичная мобилизация

во время советско-финской войны была отменена уже во время начала немецко-советской войны, с освобождением от службы в красной армии всех чеченцев и ингушей (приказ по главному командованию красной армии от февраля 1942-го года, мотивировал это освобождение тем, что чеченцы и ингуши по религиозным убеждениям отказываются есть свинину).

Верно, что в начале немецко-советской войны вместе с пятимиллионной русской красной армией попало в плен к немцам несколько десятков чеченцев и ингушей, из которых потом немцами была создана одна рота в составе Северо-Кавказского легиона, целиком переданная потом англичанами советскому правительству летом 1945 года, в районе Ганновера. Однако, не говоря уже о крупных военных формированиях вплоть до СС-дивизий в составе так называемых восточных добровольческих войск при немецком главном командовании, из почти всех национальностей Советского Союза, одна только чисто русская антибольшевистская Власовская армия с казачьими частями доходила по официальным данным почти до полмиллиона человек. На этом основании Сталин не выселил, как известно, самих русских из Советского Союза.

Ключ к истинному мотиву указа Верховного Совета РСФСР о выселении чеченцев и ингушей заложен в вышецитированном нами первом советском документе, а именно его вводном политическом тезисе: „история Чечено-Ингушетии — это десятилетия кровавой борьбы свободолюбивого народа против колонизаторов“. Только с этим ключем в руках и можно установить и открыть историческую правду.

Как известно, большевики признают правомерной национально-освободительную борьбу угнетенных народов за независимость до советской власти. Всякое проявление национально-освободительных стремлений в самой советской России не только осуждается, но и беспощадно подавляется. Это, однако, не значит, что в старой царской России угнетенные народы боролись за свою независимость, а в новой советской России отказались от этой борьбы. Совершенно наоборот, никогда в старой многонациональной России, национальный вопрос не стоял так остро и не русские национальности не подавлялись так безчеловечно, как именно в СССР. Собственно этим и объясняется тот общеизвестный факт,

что если в старой царской России активную борьбу за национальную независимость вели преимущественно не славянские народы — Кавказ и Туркестан — то в новой советской России — в СССР в первых рядах национально-освободительного движения выступают и самые славянские народы — Украина, Белоруссия и казачество. Сам русский народ, у которого большевики узурпировали все человеческие и национальные права пошел бы сейчас с величайшим энтузиазмом на разложение СССР и восстановление чисто национальной России, если бы этим путем можно было избавиться от собственного тоталитарного режима.

Короче: национально-освободительная борьба угнетенных народов продолжается и в СССР, только наиболее широким фронтом всех славянских и неславянских народов. В авангарде этой борьбы попрежнему идет Кавказ. Ведущим отрядом этого авангарда и был чечено-ингушский народ. Потому он и стал первой жертвой в этой неравной, но справедливой борьбе. Обратимся к историческим фактам.

I. Северный Кавказ

Северный Кавказ является исконной родиной его нынешнего народа — северо-кавказцев, известных под общим именем „горцев Кавказа“ в русской литературе и „черкесов“ в западно-европейской.

По конституции СССР 1936 года Северо-Кавказский край состоял из автономных областей — Черкесии, Адыгеи и Карачая и автономных советских социалистических республик — Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии и Дагестана.

Сама Чечено-Ингушская советская республика занимала площадь 15 тысяч 700 кв. километров (половина площади Бельгии) с населением около 700 тысяч человек, а количество всех чеченцев и ингушей, живущих на Кавказе, включая сюда живущих в Дагестане и Грузии и считая нормальный естественный прирост населения, составляло ко времени выселения около 1 миллиона человек (Население почти равное населению Албании). Основное занятие: земледелие, скотоводство и нефтяная промышленность. Чечено-Ингушетия была вторым после Азербайджана нефтяным центром СССР, (средняя добыча нефти к началу второй мировой войны составляла ежегодно от 3-х до 4-х миллионов тонн, а исследованные запасы ее исчисляются в 1¹/₂ миллиарда).

Несмотря на диалектические различия в языке и даже наличие отдельных языков у отдельных племен, северо-кавказцы—горцы составляют по данным истории, культуры и этнографии в сущности единый народ, состоящий из родственных между собой племен.

Это историческое национальное единство у этих племен обусловило собою и его единый исторический

процесс. Это же единство засвидетельствовано и в неоднократно совместных государственных образованиях и в исторической борьбе за независимость этих племен: государство Мансура (1780—1791), государство Шамиля („Имамат Шамиля“ — 1834—1864), республика горцев Северного Кавказа (1918—1919), Северо-Кавказское эмирство — 1919—1920) и, наконец, советская горская республика (1920—1924).

Мусульмане по религии, горцы Кавказа являются кавказскою расою (индо-европейцами).

С древнейших времен вплоть до завоеваний Кавказа Россией, горцы имели свой уклад жизни и принимали живейшее участие в исторических событиях, в международной торговле и войнах между отдельными государствами—на Ближнем Востоке и Кавказе.

Когда огромное царство скифов, распространившееся до центральной Европы покорило и Кавказ (VI и VII век до Р. Х.) северо-кавказские племена и при верховном главенстве скифов пользовались своими древними свободами и сохраняли независимость. Вот что пишет об этом древнем периоде истории горцев известный русский историк Ростовцев: „Хотя Северо-Кавказские племена и находились под властью скифов, но они пользовались, однако, далеко идущей самостоятельностью, которая все более усиливалась... Они уже долгое время имели стабильный оседлый образ жизни, находились в постоянных торговых сношениях с южным и восточным соседом и жили относительно при развитых хозяйственных условиях, как земледельцы, скотоводы и рыболовы. Греческие колонии нашли в них быстро готовых клиентов для своих товаров и посредников для своих отношений с югом и востоком“ (Эллинизм и иранство на юге России. Ростовцев. Петербург 1918 г. стр. 75 *).

В V и VI веках они участвуют в войнах между Персией и Восточно-Римской Империей. Уже тогда император Юстиниан принимает малоуспешные попытки ввести среди горцев христианство. С приходом арабов в VII веке появляется на Северном Кавказе (в Дагестане) мусульманская религия.

*) Геродот, Strabo и некоторые из новейших исследователей считают предшественниками горцев скифов.

Торговые сношения с внешним миром, которые раньше развились через греческие колонии на Черном море продолжают усиливаться и в средние века. Только греков заменили с XII в. генуэзцы Генуэзцев вытесняют потом в XV в. турки. Но и в этих широких торговых сношениях с внешним миром, по свидетельству исторических источников горцы продолжают сохранять свою полную самостоятельность и независимость.

После завоевания Казанского и Астраханского ханства (1556 г.) Москва стала интересоваться районом Кавказа. Царь Иоанн Грозный был даже женат на черкесской княжне Марии Темрюковой (1561 г.) брак, который должен был служить основанием мирного присоединения Северного Кавказа к России. Некоторые из черкесских князей были виднейшими сотрудниками правительства Иоанна Грозного (черкесский князь знаменитый Адашев—министр и другие). Но мирное присоединение все таки не последовало. После безуспешных попыток проникнуть на Северный Кавказ царь Борис Годунов (1606 г.) оставил план завоевания Северного Кавказа и уже целое столетие Россия не дает о себе знать. Только Петр I предпринимает большую экспедицию, чтобы присоединить к России весь Кавказ, но потерпев серьезное поражение от горцев и азербайджанцев, он должен был уйти (1712 г.). При Екатерине II вновь усиливается экспансия России на Кавказ. Ее лучший генерал—знаменитый генералиссимус Суворов руководит новыми походами. Новая волна экспансии вызывает первый организованный отпор северо-кавказцев. Основной базой этого отпора делается Чечня и Дагестан. В 1785 году чеченец из Алдов Мансур-Ушурма объявляет себя Имамом (религиозным и политическим вождем) всех горцев Кавказа. Движение Имама Мансура и на деле объединило все племена Северного Кавказа—чеченцев, ингушей, дагестанцев, осетин, черкесов, кабардинцев. Некоторое время Екатерина II носилась даже с мыслью по рекомендации своих кавказских советников о прекращении войны с горцами, заключив с ними договор о независимости и дружбе, но вмешательство Турции в эту войну на стороне горцев сводит на нет планы о признании, ибо вполне допуская возможность кавказской независимости, русское правительство все же не было склонно отдать его под владычество

турок. Война с горцами принимает вновь более ожесточенный характер и движение Мансура кончается его пленением в Анапе в 1791 году вместе с турецким пашей Мустафой.

Но с пленением Мансура борьба горцев за независимость не кончилась. Под руководством Кази-Муллы, Гамзат-Бека, а потом знаменитого Имама Шамиля дагестанцы и чеченцы вновь подняли знамя борьбы, к которой присоединились и остальные горские племена. Эта борьба увенчалась полным успехом горцев. В 1834 году создается Северо-Кавказское независимое государство — „Имамат Шамиля“, которое просуществовало ровно тридцать лет в непрерывной борьбе, известной в русской истории, как „кавказская война“.

Горцам приходилось отстаивать в вооруженной борьбе каждую пядь своей земли против огромного превосходства сил завоевателя — Великой Российской Империи. И в авангарде этой борьбы Шамиля шли деды и отцы нынешних чеченцев „только то место в Чечне наше, где стоит наш отряд, двинулся отряд и это место немедленно переходит в руки неприятеля“, — так писал в сороковых годах действующего Кавказского фронта корреспондент „Московских Ведомостей“ (см. Дубровин „Кавказская война“ и Потто „Владычество русских на Кавказе“). Эта война велась с русской стороны под знаком выполнения приказа Императора Николая I, данного им еще в самом начале Кавказской войны. В этом приказе — рескрипте данном на имя вновь назначенного главнокомандующего Кавказскими войсками генерала Паскевича в 1828 году Император Николай I писал: „После того когда выполнена и эта задача, задача покорения армянского нагорья предстоит Вам другая задача, в моих глазах не менее важная, а в разсуждении прямых польз гораздо важнейшая, — это покорение горских народов или истребление непокорных“ (М. Н. Покровский „Дипломатия и войны в XIX столетии“). Ведя эту же политику на истребление предшественник Паскевича — генерал Ермолов, как теперь и сам Паскевич прошли огнем и мечем по горским аулам, так что к началу сороковых годов XIX столетия, по данным царских официальных источников, половина всех плоскостных аулов Чечни были сожжены (А. Берже „Чечня и чеченцы“). Но политика истребления оказалась

палкой о двух концах. Сама русская Кавказская армия несла такие огромные жертвы в войне с горцами, которые совершенно не оправдывали сделанных успехов в деле их покорения. При этом горцы постоянно переходя от обороны к наступлению, сводили на нет первые кажущиеся успехи. Из десятков крупных военных экспедиций и походов на Чечню и Дагестан, сошлемся только на одну из них, на так называемую, „Сухарную экспедицию Воронцова“ в 1847 году. Военные сводки Кавказского главного командования о ходе этой экспедиции начинались обычно трафаретной фразой: „предпринятая по Высочайшей воле Императора Николая I военная экспедиция на Большую Чеченю проходит...“. Этой экспедицией руководил лично сам новый Главнокомандующий Кавказскими войсками генерал граф Воронцов. Немецкий писатель Фридрих Боденштетт писавший свою книгу о Кавказе по свежим следам этой экспедиции так рисует ее ход, по рассказу одного русского офицера, участника этой экспедиции: „между тем из Петербурга последовал приказ снарядить новую более значительную экспедицию в Большую Чечню, которая и началась в конце сентября. Гигантский корабль, плывущий по морю оставляет за собой видимые длинные борозды, в то время когда впереди и по бокам волны расходятся, но тут же сходятся вновь, как только корабль поплывет дальше. Так шел и наш военный поход по Чечне. Там, где мы только что прошли, не находилось больше врагов, но впереди и по бокам они безпрерывно выплывают и за нашим походом вновь немедленно смыкаются между собою. Экспедиция не оставляет среди них каких-либо заметных следов, только там и здесь из лесного моря виднеются русские сигнальные флаги—горящий аул. Единицы пленных и некоторое количество скота—таковы наши трофеи. Может с точки зрения Петербурга такой поход и кажется успешным, чем он есть на самом деле“. (Фридрих Боденштетт „Кавказские народы в борьбе за свою свободу“, часть II, 1855 г., Берлин).

Эта Сухарная экспедиция в горную Чечню (Дарго) оказалась роковой для Воронцева. Дав Воронцову возможность углубиться в горы и уступив ему даже очищенное Дарго, Шамиль отрезал генералу пути отступления и снабжения. Посаженному на голодный паек —

сухари и полностью отрезанному от своего тыла, Воронцову ничего не оставалось как просить помощи о спасении из России. Прибытие новых частей генерала Фрайтага спасло его от полного разгрома. Вместе с ним спасся и участвовавший в экспедиции, как гость генерала Воронцова, принц Александр Гессенский. При этом экспедиция потеряла убитыми трех генералов, 195 офицеров и 4 тысячи нижних чинов, много боеприпасов и оружия. Таковы были данные самого русского командования. Всех русских сил, участвовавших в экспедиции на Дарго и поддерживавших ее из окружающих районов, ооходило по официальным данным русских военных историков до 150 тысяч человек, а по сведениям вышецитированного немецкого писателя Боденштета даже до 200 тысяч человек.

Официально Кавказская война кончилась в 1859 году, когда действующая кавказская армия была доведена почти до 300 тысяч человек. Летом этого года новый главнокомандующий кавказскими войсками фельдмаршал князь Барятинский мог издать свой победный приказ: „Гуниб взят, Шамиль в плену. Поздравляю кавказскую армию. Князь Барятинский“.

Таким образом преемник Воронцова фельдмаршал князь Барятинский при огромной концентрации новых вооруженных сил и модернизации самой военной техники (у Барятинского уже было нарезное оружие, чего не было у горцев) взял Шамиля в плен, а в 1864 году пал и последний штат независимого государства Шамиля — Черкесия.

К пленному Шамилю русское правительство отнеслось как к пленному государю. После непродолжительной почетной ссылки в Калуге, ему был разрешен выезд вместе с семьей в Аравию, где он и умер в Медине в 1872 году.

Несмотря на то, что горцы были побеждены силой оружия в столь кровопролитной борьбе для обеих сторон войны, царское правительство вынуждено было воздать дань стремлениям к независимости и любви к свободе горцев, об'явив им определенные свободы по внутреннему самоуправлению. Вот что гласит прокламация чеченскому народу от имени государя Императора: „Прокламация чеченскому народу: Об'являю вам от имени Государя Императора — 1) что правительство русское предоставляет вам совершенно свободно исполнять

навсегда веру ваших отцов, 2) что вас никогда не будут требовать в солдаты и не обратят вас в казаков, 3) даруется вам льгота на три года со дня утверждения сего акта, по истечении сего срока вы должны будете для содержания ваших народных управлений вносить по три рубля с дома. Предоставляется, однако, нульным обществам самим производить раскладку этого сбора, 4) что поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправы будут отправляться в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранными и утвержденными начальством, 5) что права каждого из вас на принадлежащее вам имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше... Подлинную подписал Главнокомандующий кавказской армией и Наместник Кавказа генерал-фельдмаршал князь Барятинский“ (см. Воспоминания генерал-майора Мусы-Кундухова, журнал „Кавказ“, май, 1936 год, № 5 (29).

Однако, боясь новых восстаний на Кавказе и желая избавиться от наиболее активного элемента в движении за независимость, царское правительство предпринимает переселение в крупных масштабах чеченцев, дагестанцев, осетин и черкесов за границу в Турцию. Оно началось в 1864 году. Переселение проведено в настолько тяжелых условиях и жертвы во время самого переселения настолько велики, что это вызвало крупные протесты на Западе. В Англии был создан специальный комитет помощи этим переселенцам, делавший большие денежные сборы в пользу переселенцев.

В 1877 году в покоренной Чечне и Дагестане вспыхнуло всеобщее народное восстание под руководством Али-Бек Хаджи Зандакского. Пятидесятилетнее непрерывное усилие и огромные жертвы России для покорения Северного Кавказа были опять сведены на нет. Сосредоточением огромных военных сил на маленьком участке, где буквально на одного жителя Чечни приходилось до 15 оккупационных солдат это восстание было подавлено только через год под руководством генерала Свистунова. Вожди восстания в количестве 28 человек, среди которых кроме 23-х летнего Али Бек Хаджи и 70-ти летнего Ума Зумсоевского, находился сын последнего гвардейский офицер Дада Зумсоев-

ский, были преданы военно-полевому суду. Когда председательствующий суда генерал задал всем трафаретный вопрос: признают ли они себя виновными перед законом Империи, то подсудимый Али Бек Хаджи от имени своих соратников ответил: „мы признаем себя виновными только перед Богом и чеченским народом, что несмотря на понесенные жертвы мы не сумели возстановить дарованную Богом нам свободу“. Будучи приговорены к смертной казни через повешение из 28 человек только один воспользовался правом подать прошение о помиловании русскому Императору. Но и тому было отказано в помиловании. Когда перед повешением приговоренным была представлена возможность высказать свое последнее пожелание, то и здесь нашелся лишь один, имевший просьбу, а именно — старик Ума Зумсоевский: „тяжело видеть старому волку истерзаемого щенка — прошу повесить меня раньше моего сына“. Царский суд был не настолько великодушным, чтобы уважить просьбу старика: сына и отца повесили на одной веревке.

Борьба горцев за независимость становилась в глазах европейцев фактором мирового значения. Даже Маркс и Энгельс, духовные предшественники большевиков писали в знаменитом коммунистическом манифесте: „Народы Европы учитесь борьбе за свободу и независимость на героических примерах горцев Кавказа“ (см. „Коммунистический манифест“, примечание 2-ое, Москва, 1923 г.). Великие русские писатели — корифеи русской классической литературы — Пушкин, Лермонтов и Лев Толстой в своих бессмертных произведениях прославили борьбу горцев за свободу, осуждая одновременно жестокие и бесчеловечные методы русских завоевателей.

Здесь мы считаем необходимым указать и на одну важнейшую внутреннюю специфику в общественном развитии Чечено-Ингушского народа, приведшую к столь резкому столкновению двух сил завоевателей и завоеванных. В отличие от других кавказских народов равно, как и других многих внекавказских, Чечня и Ингушетия в своем историческом развитии не знали ни антагонистических классов, ни деспотических форм правления в прошлом. Несмотря на то, что в своем общественно-политическом развитии чеченцы и ингуши стояли на уровне других кавказских народов (духовная куль-

тура развивалась здесь на основе арабской письменности) вся таки чеченцы и ингуши не знали феодально-княжеского института. В обще-восточном понимании „узденем“ (князем) считал и считает себя каждый чеченец или ингуш. Правовое равенство между собой является исконным законом их общества.

Французский писатель Шандре писал в 1887 году: „Во время своей независимости чеченцы жили в отдельных общинах, управляемых через народное собрание. Сегодня они живут, как народ, который не знает классового различия. Видно, что они значительно отличаются от черкесов, у которых дворянство занимало такое высокое место. В этом и состоит значительное различие между аристократической формой республики черкесов и совершенно демократической конституцией чеченцев и племен Дагестана. Это и определило особенный характер их борьбы... У жителей восточного Кавказа господствует отчужденное равенство и все имеют одинаковые права и одинаковые социальные положения. Авторитет, который они передоверяют племенным старшинам выборного совета был ограниченным во времени и объеме...

Чеченцы веселы и остроумны. Русские офицеры называют их французами Кавказа“. (Ernest Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase* Paris, 1887. часть 4, стр. 104. по А. Sanders „Kaukasien“.

Другой, уже цитированный, немецкий писатель Боденштадт, книга которого вышла в 1855 году указывает на эти же обстоятельства констатируя, что — „чеченцы имеют чисто республиканскую конституцию и имеют одинаковые права“ („Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen“, von Friedrich Bodenstedt, Berlin, 1855).

Вторая характерная особенность Чечено-Ингушского народа — огромная сила и значение мусульманской религии здесь. Чеченцы являются набожными до фанатизма и всякое посягательство на религию вызывает у них самую глубокую реакцию. И эти последние два обстоятельства, составлявших специфику внутреннего чечено-ингушского строя находились в резком противоречии с духом и направлением официальной политики царских завоевателей.

II. Русская революция 1917 года и восстановление Северо-Кавказской независимости

Пользуясь правами обнародованными русской революцией 1917 года, в мае того года, на I Северо-Кавказском конгрессе был образован „ЦК Союза Объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана“, как временное правительство Северо-Кавказского свободного государства. В сентябре того же года на II конгрессе была утверждена и временная конституция Северо-Кавказского государства. Когда же большевики захватили власть в центре, Северный Кавказ объявил о своей полной независимости и выходе из Российской Федерации (11 мая 1918 г.) 8-го июня 1918 года Северо-Кавказская республика заключила дружественный союз с Турцией, которой она была признана так же, как и правительствами центральных держав. Ее виднейшими деятелями были — президент Тапа Чермоев, председатель парламента — Вассан-Гирей Джабаги, министр иностранных дел — Гайдар Баммат, министры: Пшемахо Копцев, Абдул-Рашид Катханов, Ахмет Цаликов, Алихан Кантемир, Айтек Намиток и другие.

Первый удар Северо-Кавказской республике нанесли не большевики, а Деникин. Как известно, русское Белое движение „Добровольческая армия“ началась с казачьих областей Северного Кавказа. Как военно-политическое движение, направленное против большевиков, оно пользовалось симпатией и у некоторых горцев, но когда выявилось и его антинациональное лицо, началось разочарование. Под лозунгом „За единую, неделимую Россию“ Деникин решил второй раз покорить Кавказ. Желание горцев устраивать свою государственную жизнь по собственному усмотрению, Деникин истолковал как „национальный большевизм“, искоренить который он считал своей священной задачей. Отсюда — политика сожжения аулов и истребление непокорных горцев. После серьезного сопротивления в Кабарде и в Северной Осетии, Деникин вступил на Чечено-Ингушскую территорию, но здесь он встретил такой отпор, какого не ожидал ни один из его генералов. Чтобы сломать сопротивление чеченцев и ингушей Деникин до-тла сжег десятки крупнейших центров Чечено-Ингушетии —

Джакево, Долаково, Алхан-юрт, Чечен-аул, Устар-Гардой, Гудермес, Герзель-аул, Старый-юрт и другие. Это лишь вызвало чувство всеобщей мести в чечено-ингушском народе и сплотило его воедино в своей борьбе. Поэтому Деникин вынужден был вместо сосредоточения своих сил на войне с большевиками, в его походе на Москву, стягивать отборные части своей армии на войну против горцев (не менее $\frac{1}{3}$ своей основной силы Деникин должен был, как он признавал потом и сам, держать здесь) для того, чтобы потушить „бурлящий вулкан“—так говорил Деникин о Чечено-Ингушетии того времени в своих „Очерках великой смуты“.

Независимая республика Северного Кавказа пала и Деникин стал далеко неуверенным хозяином ее бывшей территории, но не народов. Уже в сентябре 1919 г. после июньского вооруженного восстания в Дагестане и августовского восстания в Чечено-Ингушетии, Шейх Узун-Хаджи освободил всю горную часть Дагестана, Чечни, Осетии и Кабарды от деникинских сил и провозгласил вновь независимость Северного Кавказа под именем „Северо-Кавказское Эмирство“.

В 1920 году в феврале Деникин вынужден был отступить с территории Северо-Кавказского Эмирства или бывшей республики Северного Кавказа. На Северный Кавказ пришла II красная армия, как „освободительница“ горцев от Деникина. Большевики уже ранее признавшие правительство Узун-Хаджи де-факто*) и оказывавшие ему материальную помощь в борьбе с Деникиным и даже державшие в составе войск Северо-Кавказского Эмирства так называемую „5-ю Красную армию“, под руководством Николая Гикало, ликвидировали Северо-Кавказское Эмирство, предложив самому Шейху Узун-Хаджи почетный пост Муфтия горцев Северного Кавказа. Но через три месяца Узун-Хаджи умер, своевременно избавив большевиков от неприятного союзника.

Однако, уже в августе 1920 года, вспыхнуло всеобщее вооруженное восстание в горах Чечено-Ингуше-

*) Будучи в идеологии консервативно-клерикальным и значит куда правее правительства Чермоева, Эмирство все таки держалось тактики „Единого фронта“ с большевиками против Деникина. „Левее“ самого Узун-Хаджи был его премьер-министр Иналук Арсанукаев-Дышнинский, за что и был убит большевиками прямо на улице г. Грозного в 1921 году. „Бандиты убили“ — объявили в местной газете.

тии и Дагестана, под руководством внука Имама Шамиля — Саид-Бека, против советской власти. Восстание продолжалось ровно год — до сентября 1921 года и было подавлено после переброски туда крупных регулярных частей красной армии.

III. Горская советская республика

Еще во время хода этого восстания 20-го января 1921 года во Владикавказе, был созван Горский учредительный съезд. На этот учредительный съезд был командирован Москвой, тогда еще народный комиссар по делам национальностей И. Сталин. На съезде Сталин делал доклад о принципах национальной политики советской власти и объявил одновременно амнистию всем участникам восстания Саид-Бека, на условиях прекращения восстания и признания ими советской власти. Сталин заявил, что центральное советское правительство признает полный внутренний суверенитет и независимость горцев, за который они боролись веками. Сталин рекомендовал от имени своего правительства учредить единую „Горскую советскую республику“ с широкой автономией для осуществления вековой мечты горских народов о создании собственного независимого государства. Но учредительный съезд основным условием признания советской власти выставил следующее: 1) Если основным законом Горской республики будут признаны шариат и адат без вмешательства центрального правительства в горские дела. 2) Если ранее отобранные царизмом у горцев горские земли будут им возвращены обратно.

Сталин оба эти условия принял, тогда делегаты формально признали советскую власть (см. „Стенографический отчет I-го съезда Горской советской республики“, Владикавказ, 1921 год). В результате этого договора между горскими представителями и советами была провозглашена Горская советская республика, в составе областей: Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, Балкарии и Карачая. Дагестан был объявлен отдельной независимой советской республикой.

Таким образом была создана совершенно неестественная советская республика горцев с советской эмблемой на знамени и шариатской конституцией в жизни. Во всех правительственных учреждениях, школах и

других публичных местах, по приказу самих же большевиков, вместо Ленина и членов Политбюро, красовались портреты Шамиля и его наибов. Ряд казачьих станиц по прямому приказу Сталина и Орджоникидзе были переселены во внутрь России и чеченцам и ингушам были возвращены их исконные земли, не считая уже тех, которые были захвачены самим народом в явочном порядке.

Горская советская республика оказалась кратковременной. Большевики решили, что легче будет управлять горцами по племенам, чем целым народом. Уже в 24 году она фактически перестает существовать и декретом центрального советского правительства создаются автономные области — 1) Карачай-Черкесская (12.1.1922 г.), 2) Кабардино-Балкарская — (16.1.1922 г.), 3) Адыгейская (27.1.1922 г.), 4) Чеченская (20 ноября 1922 г.), 5) Ингушская (7 июля 1924 г.), 6) Северо-Осетинская (7-июля 1924 г.).

Во главе горцев стояла тогда та часть горской радикальной интеллигенции, которая с первых же дней русской революции поддерживала большевиков из-за большевистского основного лозунга: „Право народов на самоопределение вплоть до государственного отделения“. Во время гражданской войны она, разумеется, предпочла интернационалиста Ленина великодержавнику Деникину. Но требования в национальном вопросе у горской радикальной коммунистической интеллигенции были весьма скромные: они хотели полную внутреннюю автономию для Северного Кавказа в виде Горской советской республики в составе РСФСР. Будущие члены Политбюро С. Орджоникидзе и С. Киров находились тогда среди горцев и поддерживали требование горских коммунистов. Когда кончилась гражданская война, это желание и было выполнено. Естественно, что во главе горцев оказалась тогда именно эта радикальная горская коммунистическая интеллигенция — в Дагестане — Самурский, Коркмасов, Далгат, Мамедбеков, Тахо-Годи, в Чечне — Эльдарханов, Курбанов, Токаев, Ошаев, Арсанукаев, в Ингушетии — И. Мальсагов, Зязиков, Албагачиев, Гойгов, в Северной Осетии — Такоев, Мамсуров, Бутаев, Рамонов, в Кабардино-Балкарии — Энеев, Катханов, Калмыков, в Карачае — Курджинов, в Черкессии — Хакурати. Период владычества этих „падишахов“ является периодом максимального политического мира,

межнациональной гармонии и популярности среди горцев самой советской власти. К тому же время „НЭП“а (1921—1928г. г.) не давало повода для каких либо серьезных национально-политических выступлений в стране, если не говорить об отдельных актах провокаций со стороны вечно ищущего ГПУ. Советская власть карала пока что только бывших или настоящих своих врагов. Над народом в целом еще экспериментов не делали. В национальных областях сами „падишахи“ и их избиратели имели голос, с которым считалась и Москва. Ко всему этому большевики вели на Кавказе особо эластичную и осторожную политику. Все делалось для того, чтобы укрепить северо-кавказцев в убеждении, что они и все-речь получили ту заветную самостоятельность, за которую боролись веками. Это и обязывало к эластичности и гибкости в тактике. Сейчас же после подавления вооруженного восстания Саид-Бека Шамиля в Чечено-Ингушетии, Ленин обратился со специальным „письмом к коммунистам Горской республики“, в котором он призывал северо-кавказских коммунистов, „не копировать нашу тактику а применительно к кавказским условиям видоизменять ее“.

Когда началось „развернутое наступление социализма по всему фронту“, Сталин забыл даже об этих словах Ленина. Но когда началась пресловутая ежовщина по всему СССР, он не забыл поголовно уничтожить всю „старую кавказскую гвардию“: Все вышеназванные горские „падишахи“, были арестованы как „буржуазные националисты“. Одних расстреляли, других сослали. Прославленная „ленинская национальная политика“ в руках сталинцев начала вырисовываться как самая оголтелая политика колониально-империалистических грабежей и неограниченного гнета. Чтобы такая политика имела успех, надо было убрать все, что могло служить ее тормазом. Начался процесс постепенного, но методического перехода „автономного суверенитета“ из рук кавказцев в руки московских чекистов. Первым официальным актом этого процесса и была ликвидация Горской советской республики.

IV. Советские вожди в Чечено-Ингушетии

Первым актом внутреннего государственного устройства в Чечне и Ингушетии после их выделения в автономные области было проведение всеобщего разоружения. Советы не только отбирают наличное оружие, но и обкладывают каждый дом заданием сдать по одному огнестрельному оружию. Путем покупок этого оружия у самих красноармейцев и чекистов, чеченцы и ингуши выполняют задание. Само разоружение, вполне нормальное для мирного времени, было истолковано народом, как акт предстоящих репрессий, и как предлог лишить их тех прав, которые существовали еще со времени принятия „шариатской конституции“. Чтобы сгладить такое впечатление у чеченцев и ингушей представители центрального советского правительства приезжают с „визитом вежливости“ в Чечено-Ингушетию. Председатель ЦИК'а СССР М. Калинин объезжает ряд аулов, в которых произносит пропагандные речи о чечено-советской дружбе. (см. М. И. Калинин „За эти годы“ 1923 год Москва).

В том же 1925 году приезжает наследник Ленина председатель Совнаркома А. И. Рыков и народный комиссар по иностранным делам Чичерин. На специально созданном по этому поводу в столице Чечни Грозном, они заверяют чечено-ингушский народ, что советская власть полна решимости исполнить все чаяния и интересы горцев Кавказа. Рыков заявляет, что эпоха национального гнета навеки миновала и отныне „свободолюбивые героические горцы будут знать только счастье и процветание“. Сопровождавшие Рыкова и Чичерина—К. Ворошилов (тогда командующий Северо-Кавказским военным округом) и А. И. Микоян (тогда секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) развивали в своих выступлениях мысли Рыкова и Чичерина.

Позднее приехали Н. И. Бухарин и народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский. В блестящих пропагандных речах и они вознесли до небес добродетели кавказских народов и незыблемость „дружбы народов СССР“. Они заявили, что советская власть бы-

ла призвана самой историей, чтобы спасти горские народы.

„Спасти“ все таки решили не по бухарински, а по сталински. Началась коллективизация.

У. Принудительная коллективизация и вооруженное восстание чеченского народа

К тому эксперименту, который в виде принудительной коллективизации, большевики преподнесли всем народам СССР, в том числе и чечено-ингушскому народу, чеченцы и ингуши были как социально-экономически, так психологически меньше всех других народов подготовлены. Ровно год до начала этой коллективизации, осенью 1928 года в г. Грозном состоялась по решению Крайкома и ЦК ВКП(б), так называемая, „областная конференция бедноты“. В решениях этой конференции и в приветствиях от Крайкома и ЦК на имя этой конференции говорилось, что основная задача партии и советской власти поднять благосостояние чеченского крестьянства, оказывая ему всяческую помощь сельхозкредитами, инвентарем, семенами и наделением дополнительных участков земли тех, кто в таковой нуждается. Чеченцы призывались поднять свое собственное хозяйство, пользуясь этой щедрой помощью государства. Разумеется, ни одного слова не было ни в „директивах партии (приветствия Крайкома и ЦК), ни в решениях конференции о колхозах. Однако, осенью 1929 года чеченский Обком (областной комитет) получил важную телеграмму, подписанную тогдашним секретарем Краевого комитета ВКП(б) А. А. Андреевым (ныне член Политбюро). В телеграмме говорилось—Северный Кавказ объявлен по СССР первым краем сплошной коллективизации сельского хозяйства на основе ликвидации кулачества, как класса. Указывая на практические меры, вытекающие из этого решения партии, А. А. Андреев писал, что коллективизация будет проведена в общем порядке во всех национальных районах, в том числе и в Чечне.

Когда телеграмма А. Андреева, в виде решения советской власти, была объявлена чеченскому народу, то чеченцы ей не придали особого значения. Но когда прибыли в аулы уполномоченные областного комитета, краевого комитета и ЦК ВКП(б) и начали забирать у крестьян—у одних все имущество, движимое и недвижимое, арестовывая их самих со своими семьями для выселения в Сибирь, как „кулаков“, у других—все движимое имущество, чтобы сдать его в общий „колхоз“, то взорвалась бомба: вся Чечня восстала, как один человек. Незачем описывать весь кошмар происходивших событий, ограничимся анализом хода и исхода только некоторых характерных. Наиболее крупными и наиболее организованными были восстания в Гойти (руководители мулла Ахмет и Куриев), Шали (руководитель Шита Истамулов), Беное (руководители Ярочи Ходжас). Восставшие заняли все сельские и районные учреждения, сожгли казенные архивы, арестовали районное начальство в том числе и шефов ГПУ, в Беное захватили еще и нефтяные промыслы, учредили временную народную власть. Эта временная власть обратилась к советскому правительству с требованием: 1) Прекратить незаконную конфискацию крестьянских имуществ под видом „коллективизации“. 2) прекратить произвольные аресты крестьян, женщин и детей под видом ликвидации „кулачества“. 3) Отозвать из всех районов Чечни начальников ГПУ, назначив на их место выборных гражданских чинов из самих чеченцев с правом преследования лишь уголовных элементов. 4) Ликвидировать назначенные сверху „народные суды“ и восстановить институт шариатских судов, предусмотренных учредительным съездом Горской советской республики 1921 г. во Владикавказе. 5) Прекратить вмешательство краевых и центральных властей во внутренние дела „Чеченской автономной области“, а всякие хозяйственно-политические мероприятия по Чечне проводить только по решению Чеченского съезда выборных представителей, как это предусмотрено в статуте „Автономии“.

Все эти свои требования повстанческое руководство направило непосредственно в Москву и при их выполнении соглашалось сложить оружие и признать советскую власть. Для „мирной ликвидации“ восстания из Москвы прибыла „правительственная делегация“ в составе члена ЦК ВКП(б) Кл. Николаевой, заместителя

председателя Совнаркома РСФСР Рискулова и других высоких сановников. „Правительственная комиссия“ прибыла в гор. Грозный и приступила к „мирным переговорам“. „Правительственная комиссия“ в свою очередь создала местную „мирную комиссию“ в составе духовных авторитетов—Шамудина-Хаджи, Султана Муллы, муллы Ахма Тугаева, а из представителей областной власти туда вошли председатель областного исполнительного комитета Д. Арсанукаев, секретарь Областного комитета ВКП(б) Хасман (старый московский большевик). Эта „мирная комиссия“ была уполномочена „правительственной комиссией“ для ведения непосредственных переговоров с руководством повстанцев. По поручению „правительственной комиссии“ она выехала в один из центров повстанцев—в Шали и заявила их главарям, что в происшедших событиях ответственность несут исключительно местные работники, действовавшие вопреки установкам партии и правительства, и, что эти работники будут строго наказаны, как только повстанцы прекратят борьбу. Что же касается требований повстанцев о восстановлении статута „Автономии“, то было оглашено „Обращение к Чеченскому народу“ от имени „правительственной комиссии“, в которой говорилось, что „внутренние чеченские дела будет решать и впред, сам чеченский народ“. Повстанцы признали эти объяснения удовлетворительными и согласились вернуться по домам в ожидании выполнения обещаний советского правительства. Тут же была оглашена телеграмма от правительственной комиссии, что по ее распоряжению в Шали прибудет специальный отряд ГПУ для арестов и наказания всех виновных сельских и районных работников. Телеграмма дала повод для разных кривотолков. Но когда отряд прибыл и начались аресты именно среди местных советских работников, то успокоение наступило всеобщее. За три дня войска ГПУ закончил свои операции среди советских работников, а к часу ночи четвертого дня они окружили дом бывшего вождя повстанцев Шити Истамулова. Шита, неожиданный такого оборота дела, был застигнут врасплох. На ультиматум сдаться без боя, однако, Шита и его брат Хасан ответили огнем. Часть дома Шиты был объят пламенем, а Хасан тяжело ранен, когда к развету подоспела помощь: около сотни вооруженных всадников чеченцев окружило самую часть войск ГПУ, обложив

ную дом Шиты. После какого нибудь часа рукопашного боя отряд ГПУ числом до 150 человек был почти целиком уничтожен. Освобожденный своими друзьями Шига Истамулов призвал всех чеченцев к „священной войне“, за восстановление „Имамата Шамиля“ и изгнание „неверных“ с Кавказа. Следуя этому призыву вновь возстали Шали, Гойти, Беной.

Одновременно и почти независимо от чеченского возстания вспыхнули под тем же национально-религиозным лозунгом возстания в Дагестане, Осетии, Кабарде (баксанаки) Балкарии и Карачае. Если и трудно установить организационную связь между этими горскими возстаниями, то их национально-идеологическая связь была налицо—лозунги „Газавата“—„Священной войны“ основоположников горской независимости—Мансура, Гамзат-Бека, Казимуллы и Шамиля были ведущими мотивами этих возстаний.

К этому времени (это было уже к середине декабря 1929 г.) к границам Чечни начали прибывать регулярные части красной армии. К концу декабря под личным руководством командующего Северо-Кавказским военным округом—командарма I ранга Белова в центры возстания были двинуты четыре дивизии пехоты, плюс 28 стрелковая дивизия из Владикавказа. Владикавказское пехотное и Краснодарское кавалерийское училища, три артиллерийских дивизиона, два полка горных стрелков пограничной охраны, снятой с турецких и иранских границ. Кроме того к операции были привлечены три эскадрона войск ГПУ—Грозненский, Владикавказский, Махач-Калинский, под командованием заместителя начальника Краевого ГПУ Курского. Концентрацией такой солидной силы на относительно маленьком участке Шали-Гойти (население 150 тысяч человек) и в виду отсутствия каких либо естественно-географических предпосылок для ведения оборонительной войны, к середине января 1930 года были взяты оба центра—Гойти после поголовного уничтожения штаба повстанцев во главе с Куриевым и Ахмат-Муллой, а Шали—после организованного отступления силы Истамулова в Горную Чечню.

Потери красных были велики: в гойтинских боях был уничтожен почти весь 82 пехотный полк, а под Шалями Белов потерял силы, превосходящие одну дивизию. В конце марта 1930 года Белов, получив свежие

силы из Закавказья, развернул большое горное наступление с задачей овладеть последним пунктом повстанцев—Беноем. После двухмесячных тяжелых боев и больших жертв в апреле 1930 года Белов вошел в Беной, но в ауле не застал ни одного жителя: все жители, включая женщин и детей, эвакуировались дальше в горные тущобы. Победитель Белов послал к повстанцам парламентеров с предложением почетного мира: всем, кто добровольно возвращался обратно в аул со сдачей оружия, объявлялась амнистия. Повстанцы ответили, что они вернутся обратно в свои аулы только тогда, когда Белов уйдет со своими войсками.

Тем временем в самой политике партии произошел крутой перелом—Сталин и ЦК пересмотрели обанкротившуюся политику партии в колхозном движении. Специальным решением ЦК ВКП(б) были осуждены „левые загибщики“ в колхозном движении, колхозы были объявлены добровольными объединениями, и в национальных районах, как Чечня и Ингушетия колхозы были вообще отменены, как „преждевременные“. В национальных районах разрешалось организовывать только „товарищества по совместной обработке земли“, так называемые ТОЗЫ. Чеченское партийное руководство (Хасман, Журавлов, Арсанукаев) были сняты со своих постов, как „левые загибщики“. Из Чечни были отозваны войска с одновременным завозом туда огромного количества промышленных товаров по весьма низким ценам. Всем участникам восстания, в том числе и вождям восстания, была объявлена амнистия от имени центрального правительства.

Повстанцы вернулись в свои аулы. Вождь повстанцев, впрочем в прошлом бывший красный партизан, Шита Истамулов тоже вернулся в Шали. По указанию сверху Истамулов даже был назначен председателем Шалинского сельского потребительного общества (кооперация по промтоварам). Осенью 1931 года Истамулов был вызван к начальнику районного ГПУ Бакланову для вручения ему официального акта амнистии из Москвы—вручая ему одной рукой акт, Баклаков из под стойки другой рукой выпустил в него весь заряд из маузера. Тяжело раненный Истамулов успел заколоть кинжалом на смерть вероломного Баклакова. Наружная охрана добила Истамулова. Трупы Бакланова и Истамулова завернули в бурки и на машине ГПУ увезли в Грозный.

Брат Истамулова—Хасан организовал новую „банду“, которая до 1935 года беспощадно мстила чекистам за убийство Шиты.

Убийство шиты Истамулова было началом проведения в Чечне большой операции ГПУ по ликвидации „кулацко-контрреволюционных элементов и мулльско-националистических идеологов“. По нормам, установленным Грозненским и Ростовским краевым ГПУ и утвержденным правительством СССР, было арестовано до 35-ти тысяч человек. Арестованные были осуждены специально созданной для этой цели „Чрезвычайной тройки“ ГПУ под председательством его шефа Г. Крафта. Процент расстрелянных установить хотя бы приблизительно трудно, но на волю из них редко кто вернулся.

VI. Восстание в Ингушетии

Еще в 1926 году были сняты председатель Чеченского ЦИ'Ка Т. Эльдарханов и его заместители Хамзатов и Шеринов. Их обвинили в связи с одним из видных политических деятелей—с Али Митаевым, арестованным в 1923 году за подготовку чеченского восстания совместно с руководителями грузинского восстания. По аналогичным мотивам были сняты председатель Ингушского Областного Исполнительного Комитета—И. Мальсагов и секретарь Обкома ГПУ И. Зязиков. На место снятого Зязикова секретарем Ингушского Обкома ВКП(б) был назначен из Москвы русский Черноглаз. Ингуши в этом назначении увидели нарушение своей „автономии“ и направили в Москву делегацию с просьбой вернуть им обратно Зязикова. В Москве дали понять, что Зязиков был плохим коммунистом, а Черноглаз будет хорошим. Довод ингушей: „лучше иметь свой плохой, чем чужой хороший“,—остался без внимания. Вступление в должность Черноглаза ознаменовалось резким поворотом в политике областного руководства. Репрессии в деревне приняли масштаб и формы, ранее неслыханные. Черноглаз начал с того, что открыл прежде всего поход на религию и развернул борьбу против „реакционного духовенства“. Во Владикавказе (Владикавказ был тогда общей столицей Осетии и Ингушетии) Черноглаз объ-

явил об учреждении „Областного союза безбожников Ингушетии“. Пост почетного председателя этого „Союза“ Черноглаз принял на себя и в областной газете на ингушском языке „Сердало“ дал директивы развернуть широкую кампанию по вербовке ингушей в этот „Союз безбожников“.

Даже больше. Некоторых мулл прямо вызвали в ГПУ и заставляли их подписывать антирелигиозные декларации об отказе от религиозной службы, как от „антинародной, реакционной деятельности“ и с призывом к ингушам вступить в „Союз безбожников“. Правда, только единицы поддавались этой провокации, но и те возвращаясь из Владикавказа, в ауле объясняли своим землякам, что все это провокация и что они подписались, чтобы избежать расстрела или пожизненной ссылки. Дело этим не ограничивалось. Черноглаз дает установки своим районным помощникам „перейти в борьбе с кунта-хаджинцами от болтовни к делу“ (в Ингушетии было сильно развито религиозно-мюридистское движение секты Кунта-Хаджи, куда входило до 50 тысяч человек). Первым отозвался на этот призыв начальник Назрановского районного ГПУ Иванов. Летом 1930 года Иванов приехал в селение Экажево, которое однажды уже было сожжено Деникиным, как „красный аул“. Иванов заехал во двор сельского совета и предложил председателю сельского совета срочно созвать пленум сельского совета и вызвать на этот пленум местного муллу. Председатель исполнил приказ. Вызванному на пленум мулле Иванов заявил: „вот уже в разгаре хлебозаготовка, между тем у вас в ауле ощущается сильный недостаток в зернохранилище, а у крестьян конфисковывать мешки для казенного зерна я не хочу. Поэтому я предлагаю такой выход из этого положения: надо отдать вашу аульскую мечеть под амбар, а мулла от сегодняшнего дня должен отказаться от своей религиозной службы“.

Не успел передать переводчик содержание речи Иванова, как в помещении сельского совета поднялся неистовый шум. Некоторые громко кричали — „надо убить этого гяура!“ „Вонзить в него кинжал!“ Председатель сельского совета не был в силах призвать к порядку свой совет, только вмешательством самого муллы был наведен порядок. При этом он заявил на-

чальнику Иванову: „Ваши действия противны не только народу, но и Всемогущему Богу. Поэтому я боюсь Бога подчиниться Вашему приказу“. Сам председатель сельского совета внес предложение: мы найдем другое помещение для зерна. Чтобы не закрыть мечеть любой ингуш отдаст свой собственный дом. Присутствующие единодушно поддержали председателя. Но Иванов был неумолим: „под зерно мне нужен не всякий дом, а именно мечеть“. Вновь поднялся всеобщий гвалт. Предчувствуя недоброе Иванов покинул собрание. Но уже было поздно. В тот же день под Экажевым он был убит членом секты Кунта-Хаджи Ужаховым. За это убийство было расстреляно пять человек (Ужахов и мулла в том числе) и до трех десятков ингушей было сослано в Сибирь как „участников контрреволюционной кулацкой банды“.

Из этого убийства Черноглаз сделал совершенно ложные выводы. Он считал, что убийство начальника ГПУ свидетельствует о наличии всеобщего антисоветского заговора в Ингушетии. Он решил раскрыть этот заговор и наказать его участников. Но как раскрыть мнимый заговор? Тут вновь на помощь пришел ГПУ.

Осенью 1930 года в Ингушетию прибыл таинственный „представитель“ Японии. Он нелегально разъезжает по крупным аулам Ингушетии, завязывает связи с ингушскими авторитетами, проводит с ними нелегальные совещания, делает на этих совещаниях весьма важные сообщения о планах войны Японии против СССР. Свою штаб-квартиру „японский представитель“ устанавливает у бывшего царского офицера Раджата Евлоева в Долаково. После „инспекционного объезда“ по аулам этот „представитель Японии“ созвал на этой квартире междуаульское объединенное собрание, куда были вызваны влиятельные и заведомо антисоветски настроенные лица из ингушей. Сам хозяин квартиры—в прошлом известный царский офицер, пользовался у ингушей, как человек явно несоветский, полным доверием. Все вызванные были известны как друг другу, так и ингушскому народу, как люди верные, энергичные и решительные. В числе этих вызванных были—Хаджи Ибрагим Ташхоев, Мулла Исан Гелисханов, Шибилев Чада, Шибилев Саид, Далгиев Ранс, Ужахов Мурад и другие (из аулов Назрань, Долаково, Базоркино, Галашки и т. д.). На этом нелегальном совещании японский агент и Рад-

жат Евлоев сначала привели к присяге на „коране“ всех присутствующих поименно. Каждый обязался держать в строжайшей тайне „планы“, которые им будут тут изложены и не выдавать ни друг друга, ни „японского представителя“. После окончания этой церемониальной части, „представитель Японии“ изложил суть дела: Япония собирается вступить в самое ближайшее время в войну против Советского Союза. В этой будущей войне на стороне Японии будут еще и другие мировые державы. Кроме того ее поддерживают и многие из угнетенных большевиками народов. На Кавказе уже почти все народы кроме ингушей, заверили Японию в поддержке ее с тыла в этой будущей войне. Теперь он уполномочен своим правительством пригласить ингушей присоединиться к общему „освободительному фронту народов“. Представитель Японии говорил долго, убедительно и с большой логикой. Его действительно японская физиономия давала его словам вес и значение истинности. В заключение своей речи представитель заявил, что еще до начала войны Япония намерена поддерживать своих союзников деньгами и оружием. Чтобы ингуши знали, что это не одни лишь пустые „обещания“, он привез с собою деньги и некоторое количество оружия для командного состава. Закончив свою информацию, „японец“ спросил: принимают ли присутствующие японский план „освобождения Ингушетии“. Когда присутствующие ответили согласием, „японец“ назначил каждого из присутствующих „командирами сотен“. „Командиры“ получили оружие японского образца и японские военные погоны в качестве знака отличия. Деньги „командиры“ будут получать по мере развертывания „военно-подпольной работы“. Приказ к выступлению ингуши получают в начале войны. „Японский представитель“ уехал вполне довольный успехом своего предприятия. Оружие и погоны ингуши зарыли в землю в ожидании „войны и приказа“. Но как и надо было ожидать, война не началась, а Ингушетия была наводнена войсками ГПУ: в одни и те же сутки были произведены массовые аресты почти во всех крупных аулах. При этом был арестован весь „японский штаб“ заговорщиков, у членов которого легко выкопали зарытое ими оружие и погоны, как „вещественное доказательство“. На воле остался помощник „японского представителя“ Раджаб Евлоев и сам „японец“, оказавшийся монголом

из Средне-азиатского ОГПУ. 21 человек расстрелянных, до 400 человек сосланных без суда и следствия (решением Коллегии ГПУ),—таков был результат для ингушей этой очередной провокации ГПУ. За то почти все лица начальствующего состава Владикавказского Объединенного отдела ОГПУ были награждены высшими советскими орденами за выполнение специального задания советского правительства. В числе награжденных был и один из ингушских агентов ГПУ.

Секретарь областного комитета Черноглаз повысился в своем значении в глазах ЦК ВКП(б) на целую голову. Сам Черноглаз, имевший об ингушах только те сведения, которые он вычитал из старых русских учебников по географии (Деникин, например, писал в своих „Очерках русской смуты“: „в старых учебниках по географии об ингушах сказано“: занятие ингушей—„скотоводство и грабежи“. Во время гражданской войны,—продолжает Деникин,—у них превалировала, однако, последняя профессия над первой“), думал, что путем нескольких удачных чекистских операций он отучит ингушей одновременно и от „контрреволюционных грабежей“ и от службы Богу. Черноглаз полагал, что под видом религиозных сект (секты Кунта-Хаджи, Батал-Хаджи, и Шейха Дени Арсанова) в Ингушетии существуют почти легальные контрреволюционные организации, неизвестные в центральной советской России, а потому незаконные и нетерпимые и в Ингушетии. Поэтому сейчас же после „японской операции“ Черноглаз дал распоряжение об изъятии всех главарей указанных сект (эти религиозные секты были сосланы еще задолго до русской революции). Аресты главарей и основных деятелей сект произвели на ингушей исключительно удручающее впечатление. Десятки ингушских жалоб посыпались в Москву на самовольные действия Черноглаза. Даже специальная делегация, в числе которой было много соратников Орджоникидзе и Кирова ездила в Москву к Калинин у с просьбой убрать Черноглаза „чтобы возстановить в Ингушетии „мир и порядок“. Но все эти „жалобы“, в конце концов, возвращали на место к тому же Черноглазу „для разбора“. Подобный разбор заканчивался обычно арестом лиц, подписавших „контрреволюционно-мульскую клевету“. Но от этого они не прекращались. Поэтому Черноглаз решил объездить Ингушетию и раз и навсегда разъяснить ингушам, что

но не намерен миндальничать с бедняками, хотя бы они и были „красными партизанами“ в прошлом. Первый визит был сделан в Галашки. На выступление Черноглаза, буквально в духе речи Богданова в Катар-юрт, старик Бекмурзиев ответил под всеобщее одобрение присутствующих: „вот на этой самой площади, на которой мы находимся, 25 лет тому назад выступал такой же, как и вы, начальник над всеми ингушами, полковник Митник. Митник поставил перед нами от имени сардаря (наместник Кавказа) ультиматум—сдать оружие, которого мы не имели. Митник был лично хороший человек, но царская власть была плохая. Поэтому вот таким кинжалом (старик указал на свой кинжал), я его и убил вот на этой площади. Я был приговорен к пожизненной каторге, но через 12 лет революция меня освободила. Советская власть—хорошая власть, но ты, Черноглаз, нехороший человек. Я тебя убить не хочу. Только даю тебе мой мудрый совет: уезжай ты из Ингушетии, пока цела твоя голова. Весь народ злой на тебя. Ей Богу убьют“.

Старик говорил по-русски, говорил внушительно и горячо, как юнаше. Вместо того, чтобы действительно подумать над „мудрым советом“ Бекмурзиева, Черноглаз распорядился об аресте „старого бандита“ и поехал созвать очередное собрание в следующем ауле—в Даттах. Там повторился вариант той же картины. В тот же день вечером, под Галашками, там где дорога проходит через маленький лесок, Черноглаз был убит на своей машине. Сопровождавшие его два других работника областного комитета были отпущены—невредимыми. Прострелянная машина и обезглавленный труп Черноглаза остались на месте. Голову от трупа ингуши увезли с собою.

Убийство Черноглаза дорого обошлось ингушам. Первым был арестован по обвинению в организации этого убийства Идрис Зязиков, бывший секретарь Ингушского областного комитета ВКП(б) вместе с его женой Жанеттой, были арестованы все его личные друзья и родственники. По аулам были произведены аресты среди всех тех лиц, которые числились в так называемых, „списках порочных элементов“ ГПУ, куда обычно заносились имена не только „бывших“, и „будущих бандитов“. Главарей заговора против Черноглаза, во главе с Зязиковым, судили в Москве в Верховном Суде РСФСР.

В числе главарей были и физические убийцы. Сам Зязиков во время убийства Черноглаза находился в Москве на курсах марксизма при ЦК ВКП(б). Но Зязикова обвиняли в „моральной и политической подготовке“ убийства своего преемника.

Террористы объяснили мотивы убийства Черноглаза всей его провокационной политикой в Ингушетии. Из одной реплики между председателем суда и одним из подсудимых ингушей родился даже анекдот общей известности: на вопрос председателя суда, куда же делась голова Черноглаза, не совсем понявший вопрос ингуш ответил:

— У Черноглаза совсем не было головы, если бы у него была голова, он не приехал бы к нам в Ингушетию“. Подсудимые, в том числе и Зязиков, были приговорены к расстрелу. После личного вмешательства Орджоникидзе и Микояна, Зязикову расстрел был заменен десятью годами. Других расстреляли.

УШ. НКВД создает „Националистический центр Чечни“

Почти предначерченной аккуратностью в горах Чечни происходили каждой весной крестьянские восстания, а партизанское движение было явлением перманентным. На эти восстания народ толкался не только постоянной волею к национальной свободе, но и чисто провокационными трюками самих чекистов. К старой царской системе брать „аманатов“ (заложников) для принуждения „бандитов“ к сдаче, чекисты прибегали постоянно и в более широком масштабе. Но старая кавказская администрация „аманатов“ отпускала на волю, как только являлся преследуемый „бандит“. Однако, в истории советской Чечено-Ингушетии не было ни одного случая, чтобы при явке „бандита“ были бы освобождены „аманаты“. Добровольно явившийся „бандит“, вопреки торжественного обещания сохранить ему жизнь, расстреливался, а „аманаты“ ссылались в Сибирь, в том числе женщины и дети. Обман был правилом, благородство—исключением во всех действиях чекистских вершителей судеб чечено-ингушского народа. Поэтому советской власти просто перестали верить.

„Брешет, как советская власть“, — так приблизительно гласит в переводе одна из чеченских поговорок. Но обман давно превратившийся было во „вторую натуру“ советского режима, подрывал лишь доверие к этому режиму и потому был куда более терпимым злом, чем сознательная система провокации чекистов, которой легко поддавались чеченцы и ингуши, в силу ряда специфических национально-бытовых и религиозных условий. Постановлением Областного комитета партии, во главе которого стоял москвич Егоров, было решено организовать свиноводческую ферму в горном ауле Дарго. Настойчивые советы его чечено-ингушских коллег не делать этого, ибо это вызовет возмущение фанатичных чеченцев (чеченцы и ингуши, как магометане не едят свинины), не возымели действия — Егоров, наоборот, обвинил своих коллег в „националистических предрассудках“. „Если чеченцы не едят свинины, тем лучше для самих свиней — не будут красть“, — пояснил Егоров своим коллегам по Областному Комитету. Свиноводческая ферма была организована и она просуществовала ровно один день: днем привезли свиней, ночью чеченцы их закололи. Конечно, при этом не украли ни одной свиньи. Психологически действия этих чеченцев были легко объяснимы. Завозом свиней в магометанское село, жители которого никогда их не видели раньше, власть совершила по их мнению величайшее святотатство.

Больше свиней в горы не завозили, но за то вместо заколотых что-то около десяти свиноматок, из Дарго НКВД вывез до 30-ти „бандитов“ для отправки в Сибирь. Подобных случаев тупоумной провокации советская действительность в Чечено-Ингушетии знает сотни и тысячи. Но жертвой мелкой и крупной провокации НКВД до сих пор становился только аул. Правда многие из интеллигентов старой школы, которые могли оказаться опасными для советской власти в Чечне были давно высланы с Кавказа, — бывший член Государственной Думы Т. Э. Эльдарханов, член московской коллегии защитников А. Мутушев, инженер М. Курумов, братья Мадиевы. Другая часть чечено-ингушской интеллигенции, потерпев поражение в открытой войне с советской властью, уехала за границу в эмиграцию — бывший президент республики горцев Кавказа Тапа Чермоев, бывший председатель парламента Васан-Гирей Джабаги

председатель Чеченского национального совета Ибрагим Чуликов, генерал Сафарби Мальсагов, командир Ингушской части ротмистр Созырко Мальсаго и другие. Но остались еще другие, которые хотя и признали советскую власть, а некоторые даже имели и коммунистические партийные билеты, не пользовались доверием власти, т. е. НКВД. Логика чекистов подсказывала, что виновников и организаторов всех антисоветских восстаний, надо искать в каком то едином „национальном центре“, куда несомненно должны входить, по той же логике, представители „внутренней“ и заграничной чеченской эмиграции. Эта идея выявления такого, по существу мифического центра, была для чекистских ищущих настолько соблазнительной, что за нее взялись со всей энергией и рвением Северо-Кавказское ПП ОГПУ под личным руководством Курского (потом „застрелился“ на посту заместителя НКВД СССР—Н. Ежова) и Федотова, Чеченский областной отдел ОГПУ под руководством его начальника Г. Крафта, так искусно и правдоподобно создали этот „контрреволюционный национальный центр“, что в его существование поверили даже многие из чеченцев. Но создан он был следующим образом. Целая сеть агентов имела задание взять под постоянное наблюдение следующих лиц из чеченцев—управляющего Краевой конторой снабжения („Севкавснаб“), члена ВКП(б) Магомета Мадиева (во время гражданской войны М. Мадиев командующий Чеченской Красной армией, но происходил из купеческой семьи), юрисконсульта Чеченского Областного Исполнительного Комитета—Магомета Абдулкадирова (беспартийный, бывший царский чиновник, выдающийся юрист), инженера Иса Курбанова, заведующего учебной частью и профессора по кафедре теоретической механики Грозненского Нефтяного Института Халида Батукаева (этому профессору, блестяще окончившему МВТУ было всего 25 лет), его отца Ахмата Батукаева (беспартийный, как и сын, но бывший „красный партизан“), Эдиль Султана Беймурзаева (беспартийный, бывший царский чиновник), его двух сыновей в возрасте—одного 14 лет, другого 18 лет, Хадида Шамилева, начальника финансового отдела (беспартийный, бывший белый офицер), Магомета Сатаева (партийный работник), Юсуфа Чермоева (беспартийный сын бывшего нефтепромышленника), инженера Мустафа Домбаева (член комсомола).

Некоторые агенты имели специальное задание сводить между собою вышеназванные лица на квартирах друг у друга и организовать „приезды“ к ним „подозрительных лиц“ из разных аулов. Даже больше. Некоторых из названных лиц, например, М. Мадиева и инженера Курбанова, по официальному поручению заместителя начальника Краевого НКВД посылали на „мирные переговоры“ к известному тогда руководителю антисоветского партизанского отряда Макалу Газгирееву с предложением от имени НКВД о добровольной явке Газгиреева, гарантируя ему в этом случае сохранение жизни. Газгиреев, хотя и был в прошлом большим другом Мадиева и Курбанова, но предусмотрительно отказался воспользоваться великодушием ГПУ и советом бывших друзей. Как выяснилось потом и эта поездка Мадиева и Курбанова оказалась организованной Курским, чтобы обвинить их обоих в „связи“ с „руководителем бандитов“.

Одновременно ГПУ дал задание и своим заграничным агентам установить слежку за горской эмиграцией, в частности за окружением Чермоева. Специально для этой же цели был дважды командирован за границу бывший белый офицер Виса Харачоев, разумеется под чужим именем. С кем встречался здесь и как вообще выполнил свое задание Харачоев все еще неизвестно, но за то точно известно, что из заграницы начали приходить письма—из Стамбула, Парижа и Лондона, адресованные разным лицам из вышеперечисленной группы. Письма эти приходили в Грозный (столица Чечни) не на адрес прямых получателей, а на имя „подставных лиц“, „для передачи“ такому-то. Одним из таких „подставных лиц“ в Грозном был Х. М. Х. М. был, в свою очередь предупрежден ГПУ, что он будет получать „заграничные письма“ для других, но что он обязан доставлять их немедленно в ГПУ. Х. М., конечно, под страхом ареста, немедленно доставлял их туда. Письма были написаны Мадиеву, Курбанову, Баймурзаеву и другим. Автором большинства писем был Тапа Чермоев, который писал их то из Стамбула, то из Парижа и Лондона.

Осенью 1932 года была арестована вся эта группа. Вслед за арестом этой группы были произведены массовые аресты по Гудермескому и Ножай юртовскому районам. В общей сложности по этому делу „Чечен-

ского Национального Центра“ было арестовано до трех тысяч человек. Арестованным было предъявлено обвинение в создании „контрреволюционного национального центра Чечни для подготовки и проведения вооруженного восстания“. В связи с этим, выступая на Краевой партийной конференции в 1934 году, секретарь Краевого комитета Евдокимов цитировал упомянутые „письма миллионера Чермоева“ из заграницы к чеченскому народу. Евдокимов рассказывал, что Чермоев призывал в этих письмах своих единомышленников подготовиться ко всеобщему вооруженному восстанию чеченского народа, которое будет поддержано средствами и оружием западными державами, в первую очередь Англией.*)

Только сейчас заграницей мы окончательно убедились, что версия о письмах Чермоева было ложью, а сами письма фальшивками ОГПУ. Но как раз эти письма и служили „вещественными доказательствами“ против „национального центра“. Почти все арестованные были осуждены через коллегию ГПУ. Из членов „центра“ Абдулнадилов, Шамилев, Курбанов, Моца-Хаджи Сотаев, Баймурзаев были расстреляны. Другие получили по 10 лет. Сколько же расстреляно рядовых-установить невозможно.

За раскрытие этого мнимого „контрреволюционного национального центра Чечени“ были награждены орденами „Красного знамени“—Курский, Федотов из Краевого ОГПУ, Павлов, Крафт, Миркин, Васильев, Трегубов

*) У чеченцев легенда о том, что англичане придут для освобождения Кавказа настолько распространена и вкоренилась десятилетиями в сознании народа, что ее вам расскажет любой чеченец ссылкой на ряд своих выдающихся духовных авторитетов еще царского времени. Последний раз я слышал обоснование этой легенды из уст чеченцев при горячих спорах между ними в 1942 году, летом. „Даем головы на отсечение, если придет „Герман“, придет только „Энглис“ и не с Запада, а с Востока!—так доказывало большинство. И в эти дни „Герман“ стоял в 500 метр. от Чечени—на западном берегу Терека! Я не знаю происхождения этой легенды, но чекисты верили ей не меньше, чем сами сочинившие ее чеченцы и поэтому каждый чеченский „бандит“ и каждое национальное возмущение заносилось заранее на konto „Интележенс Сервис“. Однако, какая ирония судьбы: на протяжении 85 лет (со времени Шамиля) и царисты и чекисты с одинаковым рвением обвинили чеченцев в англофильстве, а на 86 году сослали за „германофильство“!

из Чеченского областного ОГПУ. Отныне восторжествовали „теория“, что „бандитов“ надо искать в Чечне не только в горах и лесах, но и за столом ученого, в заводских цехах и лабораториях, в кабинетах чиновников и даже в составе партийных комитетов. Это, пожалуй, и было началом конца самой Чечено-Ингушской республики.

Былая слава „героических чеченцев“ и „храбрых ингушей“, как льстиво выражался Чичерн во время своего приезда в Грозный, в глазах Москвы потухла. Там верили фантастическим „сводкам“ чекистов, что чеченцы и ингуши только тем и заняты, что замышляют каждый день чуть ли не „освободительный поход“ по всему Кавказу. Чтобы обосновать это свое утверждение, а главное доказать Москве „бдительность и преданность“, чекисты сами организовывали мнимые заговоры чеченцев и ингушей против советской власти или своей вызывающей провокационной политикой сознательно толкали их на вооруженное выступление против нее. Это входило и в карьеристические расчеты чекистов. Мы категорически утверждаем, что при всем том, что советская власть отказалась в конце концов от многих своих „суверенных“ принципов по национальному вопросу и при всей строгости советских законов и жестокости их применения, чеченцы и ингуши примирились бы со своей судьбой, если бы не вся эта преднамеренная, порою чудовищная система провокации НКВД. Мы утверждаем так же категорически, что в СССР нет ни одного маленького народа, с которым так легко можно было бы договориться и подчинить его власти, если апеллировать к его разсудку, не оскорбляя его национальную честь, религиозное чувство и личное достоинство.

Рыцарство, благородство, гостеприимство, честь и свободолюбие, почтение к старшим и верность в дружбе, и жертвенность, для общего блага, храбрость в бою и скромность в общежитии и, только один раз, жестокая мстительность до бесчеловечности, если речь идет о вероломном враге—вот черты кавказских горцев, о которых свидетельствуют и которыми вдохновлялись классики русской литературы для написания многих своих бессмертных творений (Пушкин, Лермонтов, Толстой). Многими из этих качеств были наделены сами

старые завоеватели горцев—русские князья и дворяне, но не одним из них не были наделены новые—русские и интернациональные чекисты. Конфликт между чечено-ингушским народом и советской властью является в этом смысле конфликтом между совестью и бесовством, моралью и аморальностью, между обычным правом чеченцев и „советским правом“ чекистов. Возьмите самый безобидный пример. Рядовой русский человек—злосчастную мать своего противника пропустит через все падежи, при сочных прилагательных, в ответ на это он услышит такую же брань от своего противника и этим дело кончается. Но чеченец, оскорбивший словом своего противника, должен обнажить кинжал для обороны. Ругань карается у чеченцев и ингушей смертью—так велит обычное право. „Рана кинжалом—залечит медик, но рана словом залечит лишь кинжал“,—так гласит чеченская поговорка.

Все эти качества горцев были теперь объявлены буржуазно-националистическими предрассудками. Им была объявлена в порядке „коммунистического перевоспитания“ самая ожесточенная война. Но эту войну вели не столько устами пропагандистов, но пулями чекистов. Даже тот же знаменитый кинжал—исконная и неотъемлемая принадлежность кавказского национального костюма был запрещен и объявлен „вне закона“, под строгую уголовную ответственность.

УШ. НКВД создает „бандитов“

Совершенно смело можно утверждать, что ни в одном из уголков Советского Союза, ни в одной из автономных советских республик, НКВД не вел политики сознательной провокации народа против власти в таких гнусных формах, как на Северном Кавказе и особенно в Чечено-Ингушетии. При этом во главе Чечено-Ингушского отделения Всесоюзного ГПУ-НКВД назначались люди на редкость бездарные, на подбор безнравственные и как все чекисты, бесчеловечные. Ни один из шефов Чечено-Ингушского ГПУ-НКВД, как правило, не назначался из чеченцев. Все они были людьми, назначенными из Москвы и знали о народе, судьбу

которого они должны решить только то, что написано в „справочниках“ и „руководствах“ царских властей о горцах. Полное невежество в знании психологии, традиции и истории народа дополнялось личными аморальными и просто преступными качествами самих московских шефов Чечено-Ингушского ГПУ. (Дейч, Абульян, Павлов, Крафт, Раев, Дементьев, Иванов, Рязанов). Получить побольше орденов—такова была нескрываемая цель каждого нового шефа Чечено-Ингушского НКВД. Поэтому эти шефы были заинтересованы не в „умиротворении Чечено-Ингушетии, а в продолжении войны Чечено-ингушского народа против советской власти. Искренние от природы чеченцы и ингуши являются в месте с тем до болезненности чувствительными, когда дело касается их личной или национальной чести. Вот этой природной чертой этого народа пользовались чекисты, провоцируя не только убийство своих же собственных агентов, но даже искусственно организуя сами возстания чеченцев против советской власти. Мы уже видели, как был создан „националистический центр Чечни“. Посмотрим как создавались и отдельные „бандиты.“

Осень 1933 года. Гельдеген Шалиского района. Крестьянин, уже довольно пожилых лет, Ибрагим Гельдегенский давно числится в черном списке подозрительных лиц у районного НКВД. Подозревают его собственно в „бандо-пособничестве“, но лично о нем и НКВД и народу было известно, что он человек безупречного поведения, добросовестный колхозник, во время гражданской войны даже был красным партизаном у самого Серго Орджоникидзе. Когда Серго Орджоникидзе во время белых скрывался в горах Чечни и Ингушетии, Ибрагим Гельдегенский служил в личной охране Орджоникидзе. За свою храбрость и смелые налеты в стан Велых в Грозном и Владикавказе сам Орджоникидзе награждал его кличкой „Зелимхан Гельдегенский“ (Зелимхан — известный террорист чеченец, который прогремел на всю Россию до первой мировой войны). По поручению того же Орджоникидзе он несколько раз пробирался с секретными поручениями от Орджоникидзе через фронт белых (1919 г.) в Астрахань к командующему XI Красной армией Шляпникову. За выполнение этих „важных поручений“ Ибрагим был награжден именными часами от Шляпникова и почетным оружием

от Орджоникидзе (маузер с именной надписью). Когда война кончилась, Орджоникидзе уехал в Москву и стал членом Политбюро, а Ибрагим вернулся в свой родной аул и записался в колхоз. Время шло и менялось, Именные часы перестали ходить, а „почетное оружие“ от Орджоникидзе отобрали Областное НКВД. Ибрагим был возмущен. Он поехал в Ростов н/Дону в Краевой НКВД к самому Евдокимову, с жалобой на действия областного НКВД. Ибрагим предъявил „почетную грамоту“, подписанную самим Орджоникидзе, в которой последний удостоверяет, что Ибрагим награжден им персональным почетным оружием и имеет право его носить „на всей территории РСФСР“. В Краевом НКВД у Ибрагима отняли самую грамоту — У вас нет оружия, а без оружия вам и грамота не нужна, — вежливо объяснили там Ибрагиму.

Окончательно разочарованный в успехе, Ибрагим пригрозил краевым чекистам Москвой и Орджоникидзе, Но на это чекисты грубо отрезали Ибрагиму:

— Скатертью дорога, но шлаться с жалобами на НКВД разумным людям не рекомендуется, — заявили в Краевом НКВД.

Ибрагим поехал в Москву.

В комендатуре Кремля Ибрагим зарегистрировался, как „Зелимхан Гельдегенский“ и „друг Орджоникидзе“. У Орджоникидзе оказалась не только хорошая память, но, видно, сохранилось и кавказское гостеприимство. Ибрагим был доставлен немедленно на квартиру Орджоникидзе. Жена Орджоникидзе — Зина встретила с неподдельной приветливостью старого „кунака“ и повела его сейчас же к мужу. Орджоникидзе принял Ибрагима также просто и дружески, как бывало принимал его самого. Ибрагим 12 лет тому назад в горах Чечни. Ибрагим рассказал Орджоникидзе суть дела, Орджоникидзе обещал принять меры. Ибрагим уехал в Чечню. Через несколько дней ему доставили на квартиру его именной маузер с грамотой из Ростова. Но тогда только собственно и началась трагедия Ибрагима.

Победа Ибрагима была бомбой по авторитету всего Чеченского НКВД и НКВД сделал свои выводы.

За каждым шагом Ибрагима установили слежку. Вокруг Ибрагима чекисты плетут сеть интриг и провокаций. К нему подсылают агентов с предложением убить шефа районного НКВД Славина, но Ибрагим от-

казывается от всего. Через некоторое время к нему приезжает человек, назвавшийся дагестанским муллой. Мулла говорит, что он совершает паломничество в святы́е места Арти-Корт (около Ведено) и что еще пред отъездом из Дагестана ему называли его друзья Ибрагима Гельдегенского, как верного человека и набожного мусульманина. Мулла сослался на ряд знакомых, по гражданской войне Ибрагиму, дагестанских имен. Мулла производил впечатление весьма ученого арабиста и глубоко религиозного человека. То и другое очень импонировало Ибрагиму. При мулле была целая кipa богословских книг. Прощаясь на третий день с Ибрагимом, мулла подарил Ибрагиму за его щедрое гостеприимство магометанскую священную книгу — „Коран“. Мулла уехал, но на другой день приехали чекисты с обыском. При обыске нашли тот самый Коран, а в переплетах Корана нашли и подозрительное письмо на арабском языке. НКВД забрал Ибрагима вместе с этим письмом и Кораном. На следствии Ибрагим объяснил, как и кто ему дал Коран, а о записке сказал, что ему ничего о ней неизвестно. Но чекисты заявили ему, что приехавший к нему человек вовсе не был дагестанцем, был англо-турецким шпионом и что в письме, доставленном этим шпионом, англо-турки обещали Ибрагиму помощь, когда тот поднимет возстание чеченцев. Так чекисты через собственного шпиона, выданного ими за англо-турецкого произвели Ибрагима в вожди „повстанцев“, и предъявили ему обвинение в организации контрреволюционной подпольной организации для проведения вооруженного возстания против советской власти (ст. 58, п. 2, II, ук РСФСР). Как члены его контрреволюционной организации были арестованы несколько односельчан и все его ближайшие родственники. Во время допросов и ночных пыток в кабинете следователя НКВД в Грозном Ибрагим прыгнул со второго этажа в реку Сунжу и спасся. Через год, осенью 1934 года жители Гельдегена были свидетелями следующего зрелища: уполномоченные НКВД Славин и Ушаев облили керосином тяжело раненного в бою Ибрагима и тут же на глазах народа сожгли его дотла. Такая публичная казнь вызвала глубокое возмущение не только в простой массе, но и в самом „автономном правительстве“. Председатель Чеченского Областного исполнительного комитета и одновременно член ЦИК СССР Х.

Мамаев, председатель Областного совета профсоюзов Гроза (русский) и секретарь Шалинского районного комитета — Я. Эдиев подали письменный протест против подобного поведения НКВД на имя секретаря Северо-Кавказского комитета ВКП(б) и председателя Крайисполкома. В ответ на этот протест все три названные лица были сняты со своих должностей — Мамаев и Эдиев как националисты, а русский Гроза, как правый оппортунист. Славин и Ушаев были переведены на время на работу в НКВД в Среднюю Азию. В Средней Азии оба эти чекиста получили ордена „Красного Знамени“ за свою предыдущую работу в Чечне. В 1937 году Ушаев был возвращен в Чечню и назначен председателем Верховного суда Чечено-Ингушской республики. В том же году он был отравлен ядом, поданным ему в пищу одним из его близких родственников.

XI. Прием чечено-ингушской делегации у Орджоникидзе

Вопли страдания и протесты возмущения в чечено-ингушском народе были настолько велики и настолько угрожающими для самого марионеточного „правительства“ Чечено-Ингушской республики, что оно попыталось, наконец, довести до сведения ответственных представителей центрального советского правительства истинное положение в Чечено-Ингушетии. Благоприятный случай представился, когда член Политбюро С. Орджоникидзе весной 1935 года отдыхал на Северном Кавказе — на курорте в Пятигорске. На просьбу правительства Чечено-Ингушетии принять его представителей для собеседования Орджоникидзе ответил пригласительной телеграммой. Чечено-ингушская делегация, в составе председателя правительства Али Горчханова, второго секретаря Областного комитета партии Вахаева, (первым секретарем Чеченского Областного комитета никогда не назначался чеченец), членов правительства Гойгова, Мехтиева, Окуева, старых партизан и соратников Орджоникидзе во время гражданской войны — Х. Орджанова, Альберта Албогачиева и еще нескольких стариков бывших партизан, выехала в Пятигорск и была принята Орджоникидзе с щедростью кавказского госте-

приимства. Первое, что поразило даже самого Орджоникидзе — кавказца и знатока Чечено-Ингушетии, — это отсутствие кинжалов у старых партизан. Ему об'яснили в чем дело. „Чеченец без кинжала, все равно, что европеец без галстука“, — сказал Орджоникидзе и обещал поговорить в Москве насчет этого „головотяпского закона“. С самого начала беседы Орджоникидзе предупредил своих посетителей, особенно старых партизан, что ему хочется знать истинную правду о причинах недовольства чечено-ингушского народа советской властью и о тех мерах, которые могли бы рекомендовать сами чечено-ингушские представители для устранения этих причин. Чечено-ингушские представители доложили Орджоникидзе обо всем самым подробным образом — о колхозах, МТС (машинно-тракторных станциях), дорогах, школах, больницах, нефти, но только об одном, а именно о главном они не доложили Орджоникидзе — об НКВД. Конечно, чечено-ингушское правительство хорошо понимало, что в конечном счете все зло в НКВД и что пока последний чекистский сержант стоит фактически выше чечено-ингушского „премьер-министра“, не может быть и речи о политическом оздоровлении атмосферы в Чечено-Ингушетии. Но говорить об этом они боялись и вполне резонно. Орджоникидзе уедет себе в Москву, а они должны вернуться в распоряжение своего собственного НКВД (кстати, из состава около 400 человек ответственных сотрудников чечено-ингушского НКВД — чеченцев и ингушей было только четыре человека — С. Альбагачиев, У. Мазаев, И. Алиев, У. Эльмурзаев, а в войсках Чечено-Ингушского НКВД — не было ни одного). Человек, который берет под сомнение непогрешимость НКВД умирает в СССР скорой и неестественной смертью. Сообщение делегации, что после организации колхозов у чеченцев и ингушей отобрали их верховые кони, возмутило Орджоникидзе до крайности. — „Вы переборщили, товарищи, это прямо преступление отнимать у чеченцев и ингушей их верховых коней — ведь горцы тем и славились, что как джигитов их еще не превзошел ни один народ. Нет, товарищи, вы определенно переборщили“, — заключил свое замечание Орджоникидзе. — „Таков общий закон для всего СССР“, — ответили ему. Однако, Орджоникидзе обещал поговорить с „хозяином“ в Москве и внести в ЦК

и Совнарком ряд конкретных предложений для улучшения дела в Чечено-Ингушетии.

Через месяц после возвращения Орджоникидзе в Москву, в центральной прессе появились два постановления—одно президиума ЦИК СССР о том, что „кинжалы разрешаются носить там, где это является принадлежностью национального костюма“, другое—ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР—„Как исключение и из Устава сельскохозяйственной артели (колхоза) в Чечено-Ингушетии разрешается колхозникам иметь и содержать своих собственных верховых коней“.

Как бы велико не было значение этих решений советского правительства для поднятия морально-политического состояния чечено-ингушского народа, все таки они не достигали цели, поскольку не менялся дух и не менялись методы чекистской политики в ауле. Эти палиативные меры напоминали скорее старую известную политику „кнута и пряника“, чем серьезное желание власти понять и преодолеть трагедию этого маленького народа. В Москве не знали или не хотели знать, что причины этой трагедии заложены не в природе самого народа, не в его непримиримости к всякой власти, а в органической порочности политики провокации. Поэтому-то самое идеальное решение советского правительства сводилось на-нет очередной провокацией чекистов. Правда, после визита Чечено-Ингушского правительства к Орджоникидзе, чекисты начали себя вести более осторожно и менее заметно.

Конец 1935 года, весь 1936 год и начало 1937 года прошли спокойно. Эти 2½ года прошли без чекистских провокаций, а значит и без чеченских восстаний. Правда, было несколько случаев убийств работников НКВД, но тут, главным образом, сводили „старые счета“. Даже постоянно существующее партизанское движение в горах, которое между прочим всегда снабжалось оружием и боеприпасами самими работниками НКВД — известными в Чечено-Ингушетии чекистами Семикиным, Погиба, Никольским и др., которые в конце концов за это и были привлечены к ответственности, и то заметно перешло к оборонительной тактике, свертывая прежнюю тактику налетов и диверсий в зоне советских объектов. Сам вождь партизанского движения майор Саадулла Магомаев (он был неуловим и стоял во главе горных партизан около 14 лет, а

„майор“ был его почетной кличкой, данной ему самими партизанами) издал характерный приказ по своим группам: „не трогать русских работников, кроме чекистов и не щадить чечено-ингушских работников, если они коммунисты. Русские выступают против нас по долгу службы, а чечено-ингушские работники из-за своей подлости. Честь службистам, смерть подлецам“,—таково было содержание одного из приказов Саадуллы. Один случай, связанный с этим приказом даже произвел сенсацию по республике. Весной 1940 года секретарь Областного комитета ВКП(б) по промышленности и транспорту Смолкин поехал в служебную командировку в Галанчожский район, большая часть территории которого находилась под властью партизан Саадуллы. Секретаря Областного комитета сопровождали три человека и один районный партийный работник — чеченец. В лесу между Шалажами и Ялхароем, у перевала гор, компания Смолина оказалась в окружении партизан Саадуллы.

Чекисты, быстро пронюхавшие в чем дело, бросив своих лошадей удрали в гущу леса. Растерявшийся Смолкин и его чеченский проводник были взяты в плен партизанами. Партизаны их обезоружили, забрали у них документы и повезли в партизанскую тюрьму, в одно из партизанских сел. В виду важности пленных персон судил их сам „майор“. На этом суде Смолкин подтвердил данные из захваченных документов о том, что он является секретарем Областного комитета партии, т. е. вторым лицом по республике и что он находится в командировке во исполнение воли партии и правительства. Районный работник — чеченец заявил, что его долг сопровождать своего прямого начальника. Суд постановил: Смолкина освободить как русского коммуниста, а чеченца расстрелять, как изменника Чечни. Смолкин благополучно прибыл в столицу республики, но был вновь арестован, на этот раз уже НКВД, как „изменник родины“.

Х. Образование Чечено-Ингушской республики и визит к матери Сталина

Как указывалось, половина 1935 года и весь 1936 год прошли в Чечено-Ингушетии спокойно. 5-го декабря 1936 года — в связи с принятием новой „Конституции

СССР“ Чечено-Ингушская автономная область была преобразована в „в Чечено-Ингушскую автономную советскую социалистическую республику“. В связи с этим во всех аулах происходили национальные торжества, на которых чеченцы и ингуши выражали искреннюю благодарность власти, оказавшей им столь высокое доверие, как образование „Автономной республики“. После того, как была принята и „конституция Чечено-Ингушской АССР“, в которой были зафиксированы неотъемлемые и „суверенные“ права народа, эта благодарность перешла во всеобщее народное ликование. Этим двум „историческим актам“—образованию республики и принятию ее „демократической конституции“, народ придал значение, вытекающее из букв и формы обоих актов. Образование республики с конституционными правами и внутренним „суверенитетом“ подавляющим большинством народа, в особенности интеллигенцией, было понято не только как расширение прав народа, но и как долгожданный конец произволу НКВД. Неподдельную радость народа делили и женщины-чеченки, надеявшиеся теперь на спокойную жизнь своих мужей и сыновей. Обычно чуждые политике и общественной жизни благодарные чечено-ингушские женщины-матери, на этот раз уже по собственной инициативе составили весной 1937 года „женскую делегацию Чечено-Ингушской республики“ во главе с Аминат Исламовой и направили ее в Тифлис, чтобы лично отблагодарить мать Сталина—Кеке Джугашвили за „отеческую заботу о чечено-ингушском народе“ ее сына. Делегацию, привезшую ей богатые подарки из национальных изделий, Кеке приняла весьма торжественно в бывшем дворце наместника Его Величества на Кавказе—Воронцова-Дашкова. На щедрые похвалы чеченок по адресу ее сына, Кеке ответила многозначительно: „желаю каждой матери иметь такого сына!“ Как это пожелание, так и посещение Кеке чечено-ингушской женской делегацией, дали повод центральной прессе писать высокие дифирамбы по адресу „великой матери“.

Сама же мать Сталина заверила делегацию, что она попросит сына, чтобы он и впредь был „ласковым с братьями кистинцами“ (грузины называют чеченцев и ингушей „кистинцами“). „Ласки сына“ и истинное значение „сталинской конституции“ Чечено-Ингушской республики сказались уже летом того же года в гран-

диозной военно-чекистской операции, которая была произведена по всей республике. Эта „всесоюзная чума — ежовщина“ докатилась до Чечено-Ингушских гор, но в масштабе грандиозном и в формах, превосходящих всякие человеческие фантазии.

XI. Генеральная операция 1937 года

В ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года, по ранее составленным НКВД спискам, была проведена по всем аулам и районам так называемая „генеральная операция по изъятию антисоветских элементов“. Весь изъятый элемент был вывезен на грузовых машинах войск НКВД в столицу республики — г. Грозный. После того, когда были заполнены две тюрьмы НКВД в Грозном — „внутренняя тюрьма НКВД“ (для „махровых контрреволюционеров“) — до 1.000 человек и „внешняя тюрьма НКВД“ — до 4.000 человек арестованные были размещены в центральном гараже Грознефти — 5.000 чел, в клубе имени Сталина (у мельницы Баширова) — 3.000 человек, в ДПЗ республиканской милиции до 300 человек. При чем районные ДПЗ милиции и НКВД постоянно пополнялись новыми „кадрами“ арестованных в порядке ликвидации контрреволюционных „остатков“... Всего в июльскую ночь в ходе „генеральной операции“ было арестовано по республике до 14 тысяч человек, за август и сентябрь месяцы, т.е. около 3% к общему населению республики. Все статьи о высоких „правах граждан“, столь уже торжественно декларированных во всесоюзной и чечено-ингушской „конституции“, конечно, были бесцеремонно нарушены как при аресте, так и при осуждении. На всех был подписан один прокурорский „ордер на арест“, на всех был один заочный суд: „Чрезвычайная тройка“ Чечено-Ингушского НКВД, в составе первого секретаря Областного Комитета Егорова, шефа НКВД Дементьева и „спецпрокурора“ НКВД Ч. И. АССР Порубаева. Она осудила их по спискам — одних к расстрелу, других в концлагерь. Число расстрелянных установить невозможно, но в каждую ночь под гул заведенных моторов автомашин в подвалах НКВД происходили массовые расстрелы по новому методу. Новый же метод заключался в установ-

лении следующей процедуры расстрелов: так как при одиночных расстрелах не было никакой возможности кончить в положенный срок исполнения смертных приговоров „тройки“, в подвале с северной стороны здания Грозненского НКВД (сторона к Сунже) была „оборудована“ специальная „зала расстрелов“ большими группами. Сами чекисты называли этот подвал „этапной камерой“ и заводили туда приговоренных „тройкой“ в расстрелу арестантов под предлогом отправки на „этап“, в Сибирь. „Этапная камера“ была железо-бетонная и герметически изолирована от внешнего мира. Во • внутрь камеры, как с крыши, так и с боков, были вделаны вращающиеся „огневые точки“, из которых огнем ручных автоматов потом производился „массовый расстрел“. Трупы расстрелянных увозили ночью в грузовиках, покрытых брезентом, под гору Горячеводскую, где под видом „заповедника“, находились „братские кладбища“ для расстрелянных.

В связи с „генеральной операцией“ сотни и тысячи чеченцев и ингушей ушли в партизаны, а старые партизанские группы перешли уже к активным действиям. В Галанчожском, Гудермеском и Курчалоевском районах партизанами были убиты шефы районных отделов НКВД. В сентябре между Грозный—Назрань партизаны пустили под откос военный железнодорожный состав. В конце сентября в газете „Правда“ появилась громовая статья „от специального корреспондента“ под жирным заголовком: „Буржуазно-национальный клубок в Чечено-Ингушетии“. Автор статьи, несомненно инспирированный ЦК ВКП(б), доказывал, что в Чечено-Ингушетии в партийном руководстве и во главе правительства сидят „буржуазные националисты“, которые ведут чечено-ингушский народ по антисоветскому пути. Автор и газета „Правда“ призывали не названного по имени судью (НКВД) „до конца распутать буржуазно-националистический клубок“.

В начале октября 1937 года в сопровождении большого чекистского штаба в Чечено-Ингушетию прибыл кандидат в члены Политбюро, председатель Партколлегии при ЦКК при ЦК и заместитель Ежова—Шкирятов. Шкирятов и его чекисты энергично взялись за распутывание „буржуазно-националистического клубка“. 7 октября был созван расширенный пленум Чечено-Ингушского Областного комитета в Доме Культуры имени Лени-

на Сталинского района в г. Грозном. Кроме членов пленума, присутствовали персонально приглашенные ответственные работники города и районов. Вот на этом пленуме Шкирятов самолично и распутал „клубок“. Шкирятов дал приказ об аресте всех чеченцев и ингушей, являющихся членами Чечено-Ингушского Областного комитета. Они были арестованы тут же в зале пленума. Потом приказ Шкирятова был распространен и на всех чечено-ингушских работников от председателя республиканского правительства до председателя сельсовета. Таким образом в течении октября-ноября были арестованы: Председатель правительства республики—А. Горчханов, Заместитель Председателя Правительства республики—А. Саламов, Второй Секретарь Областного комитета партии — Х. Вахаев, Заведующий культпропом Областного комитета ВКП(б)—М. Мамакаев, Заведующий Орготделом Областного Комитета ВКП(б) — Курхиев, Народный комиссар земледелия—А. Мальсагов, Народный комиссар здравоохранения—С. Казалиев, Народный комиссар местной промышленности—К. Ужахов, Народный комиссар финансов Г. Гойгов, Народный комиссар просвещения—Х. Окуев, Председатель верховного суда —М. Ханиев, Прокурор Республики—Х. Мехтиев, Председатель плановой комиссии—М. Исламов, Представитель Чечено-Ингушской республик при ВЦИК — М. Альтемиров, Начальник Управления Дороги.— А. Тучаев, Начальник республиканского союза кооперации — Ш. Сапаров, Управляющий Техническим снабжением Грознефти—И. Курбанов, Управляющий Разведочной конторой Грознефти—Д. Арсанукаев, Директор Научно-Исследовательского Института—С. Арсанов, Председатель республиканского радиокомитета—Ш. Айсханов, Председатель Союза советских писателей—С. Бадиев, Ответственный редактор газеты „Ленинский путь“—Х. Арсанукаев, Директор Национального театра—Х. Яхмаатов, Директор государственного музея—З. Шерипов, Директор филармонии, композитор — Г. Мепурнов, Председатель коллегии защитников—Д. Шерипов, Директор водоканалтреста—М. Шатаев, Ответственный секретарь исполкома республики—З. Межидов, Управляющий торговлей—А. Эльдарханов, Управляющий банком—М. Чекуев, Начальник управления „Заготзерно“—К. Арсанукаев, Авторы фундаментальной „научной грамматики чеченского языка“—проф. Х. Яндаров, доценты: Д. Мальсагов и А.

Мадиев, виднейшие писатели—А. Ножаев, М. Сальмурзаев, А. Дудаев и др. Секретари районных комитетов партии—Шахгиреев, Бектемиров, Эдиев, Плиев, Азиев, Ханиев, Гугаев, Н. Казалиев, Г. Гугаев, Окуев, Сальмурзаев, Джабраилов, Ведзижев, Омаров, Чапанов, Эльдарханов, Джафаров, Гамурзиев, Зармаев, Мунаев и др.

Арестованы были также председатели районных исполнительных комитетов (в Чечено-Ингушской республике было до 28 районов), почти все председатели сельских советов, колхозов и их партийные организаторы. Вместе с ними, в порядке ликвидации „буржуазно-националистического охвостья“, были арестованы все чиновники всех республиканских, городских, районных и сельских учреждений.

Общую „психологию арестов“ весьма ярко передал начальник Гудермесского районного НКВД Гридасов, когда ему один из его несовсем опытных сотрудников задал недоуменный вопрос: „как арестовать человека, если на него у нас нет никакого материала?“ Начальник ответил „материал всегда найдется лишь бы на нем была кавказская шапка!“ Кстати из всех 23 начальников районных НКВД только один был чеченец — Гойтиев и тот был арестован в эту кампанию.

Вместе с работниками республики, были арестованы и те из чеченцев и ингушей, которые давно находились вне Чечено-Ингушетии—Д. Токаев (член ЦК Азербайджанской компартии), Х. Ошаев (директор Северо-Кавказского горского Педагогического Института), М. Омаров (инструктор Северо-Кавказского Крайкома ВКП(б), А. Авторханов (преподаватель Московского Государственного Педагогического Института им. А. Бубнова) Идрис Зязиков, еще не отбывший свое старое наказание и др.

Аресты продолжались до ноября 1938 года. К этому времени Чечено-Ингушская республика была окончательно очищена от „врагов народа“. В течение трех лет чекистские следователи создавали дело „буржуазно-националистической, контрреволюционно-повстанческой, бухаринско-троцкистской, террористически-шпионской, антисоветской вредительской организации“ — буквально так гласила многоэтажная формула обвинения для головки арестованных. В эту головку, названную чекистами „буржуазно-националистическим центром Чечни и Ингушетии“, в входило 137 человек —

бывших ответственных работников республики. В переводе на уголовный язык вышеуказанная формула обвинения гласила для каждого члена „центра“ ст. 58, пункты: 1А (измена родине), 2) подготовка вооруженного восстания), 7 (вредительство), 8 (террористические акты), 9 (диверсия) 10 (антисоветская агитация) 11 (членство в антисоветской организации) и 14 (саботаж). Такую широкую контрреволюционную деятельность „центра“ развернул по мнению обвинения в тесном союзе с другими националистическими „центрами“ Северного Кавказа (Дагестан, Осетия, Кабардино-Балкария, Карачай, Адыгея, Черкесия), чтобы подготовить провозглашение „Северо-Кавказской федеративной республики“ под протекторатом Турции и Англии. Для координации своей деятельности с другими национальными республиками „буржуазно-националистические центры“ Северного Кавказа входили в „Московский межнациональный центр“ в лице своих ответственных представителей (Коркмасов и Самурский от Дагестана, Ошаев, Авторханов и Зязиков от Чечено-Ингушетии, Такоев, от Осетии, Курджинов от Карачая)—такова была по мнению НКВД и внешняя связь заговорщиков. Партийный состав и образовательный ценз арестованных членов „буржуазно-националистического центра“ был таков:

Общее количество 137 человек.

	Чл. ВКП(б) до 1917 г.	Чл. ВКП(б) с 1917 по 1921 г.	Чл. ВКП(б) с 1921 по 1927 г.	Чл. ВКП(б) с 1927 по 1936 г.
Партстаж	2 чел.	6 чел.	39 чел.	90 чел.
	свыше 40 лет	от 30 до 40 лет	от 25 до 30 лет	до 25 лет
Возраст	20 чел.	35 чел.	52 чел.	30 чел.
	высш. спец. образов.	высшее коммун. образов.	среднее образов.	низшее образов.
Образовательный ценз и его характеристика	10 чел.	53 чел.	36 чел.	50 чел.

Из этой таблицы вытекают следующие выводы: во первых, все арестованные члены «буржуазно-националистического центра», за исключением 8 человек «ленинской гвардии», принадлежали по своему стажу к «сталинской школе», во вторых, по своему возрасту подавляющее большинство их (82 человека) были людьми моложе 30 лет («комсомольский возраст»), в третьих, больше чем 1/3 (52 человека) всех этих «буржуазно-националистов» получили свое воспитание и образование в чисто коммунистических ВУЗ-ах (КУТВ им. Сталина, Высшая коммунистическая сельско-хозяйственная школа, курсы марксизма при ЦК и т. д.).

Таково было партийное, образовательное и возрастное лицо руководящих кадров республики, обвиненных ныне в «буржуазном национализме».

Следствие по делу «буржуазно-националистического центра» продолжалось ровно три года. Так как не было возможности судить «центр» в 137 человек одним судом, то в ходе предварительного следствия «центр» был разбит на три группы: 1) советско-партийное руководство (Горчханов, Саламов, Вахаев, Окуев, Тучаев и др.), 2) беспартийные группы: культурно-идеологическое руководство (Яндаров, Мациев, Авторханов, Д. Мальсагов, Мамакаев и др.), 3) «террористическая группа» Сапаров, Ермолов, Товбулатов и др., в эту «группу» чекисты набрали по логике вещей одну «молодежь»). Следствие велось при применении обычных для всего СССР методов физических пыток с некоторой «добавкой» для специфического «национального характера». Во время этого «следствия» до смерти были замучены бывший председатель Областного исполнительного комитета Д. Мачукаев, бывший завкультпропом Обкома М. Гисаев, бывший секретарь Ингушского Обкома ВКП(б) Идрис Зязиков и др. Не выдержав режима пыток покончили самоубийством председатель Плановой комиссии республики М. Исламов, секретарь Райкома партии М. Бектемиров. Путем этой неслыханной инквизиции, названной «предварительным следствием», чекисты заставили до 90% членов «буржуазно-националистического центра» подписывать и даже сочинять «искренние признания» в преступлениях, которых они, разумеется, не совершали.

О фантастичности этих показаний можно судить хотя бы по тому, что бывший заместитель правительства республики А. Саламов дал следующие «искренние» «собственно-ручные показания». Для успешного проведения вооруженного восстания в Чечено-Ингушской республике из Англии через Турцию были получены: 50 горных орудий, 1.000 пуле-

мечен, 200 тысяч винтовок, 5.000.000 патронов, 10.000 снарядов и гранат и т. д. Кроме того, Англия обещала с воздуха поддерживать это восстание. Но так как Саламов указывал и точное место, где это оружие зарыто в горах, то чекисты изрыли все указанные ущелья гор. При этом, конечно, ничего не нашли, но избиения продолжались, с требованиями указать подлинное место, где зарыто это оружие.

Наконец, когда «следствие» было закончено и группы «центра» стали перед Военным трибуналом Северо-Кавказского военного округа, то из дошедших живыми до суда около 120 человек, виновным себя признал только один — бывший мулла Ахмат Тучаев. Все остальные в один голос заявили, что все инкриминируемые им преступления — выдумка, и их «искренние признания» являются ложными и вымышленными от начала до конца. Подсудимые, указывая на шрамы от нанесенных ран, на выбитые зубы, изуродованные части организма (один даже был кастрирован во время допроса), заявили, что свои ложные показания они подписали под влиянием этих физических пыток и в надежде, что таким образом будет ускорен день суда или смерти. Все обвинение и доказательства по делу строились исключительно по этим вынужденным личным «показаниям».

Других вещественных доказательств или свидетельских показаний для обоснования обвинения не было. Поскольку теперь на суде все обвиняемые отказывались от своих «показаний», кроме одного, то казалось бы, что дело должно было быть направлено на «доследование», как обычно поступали в этих случаях. Но трибунал, видимо, учел, что тут речь идет не о совершенных или готовящихся преступлениях, а людях, которые нежелательны по соображениям «высокой политики». В остальном и трибуналу было совершенно ясно, что перед ним сидят люди, единственная вина которых заключалась в их национальном происхождении и, может быть, в их было-черезчур наивной вере в «Ленинско-Сталинскую национальную политику». Трибунал вынес обвинительный приговор первой группе на основании единственно показаний одного подсудимого — А. Тучаева. А. Саламов, А. Горчханов и сам Тучаев были приговорены к расстрелу, другие к тюремному заключению от 7 до 25 лет. Но только теперь выяснился секрет «признания» и Тучаева — из своей «смертной камеры» он подал ходатайство о помиловании на имя М. Калинина. В ходатайстве Тучаев указывал, что он признавался на суде в «несовершенных преступлениях», так как только

в этом случае НКВД обещал освободить членов его семьи, а ему самому сохранить жизнь.

Москва заменила расстрел всем троим, снизила сроки наказания другим, а в остальном приговор утвердила. «Террористическая группа» была вся освобождена тем же Военным трибуналом, а дело «культурников-идеологов» он вообще не принял к производству. В этом случае у НКВД был свой собственный, так сказать, ведомственный суд — «Особое Совецание». Всех сидящих без «дел» и пропустили через Особое совещание. Так были «изобретены» и ликвидированы «буржуазные националцентры» Чечено-Ингушетии. На место ликвидированных национальных работников были назначены пришлые люди, которые не знали ни языка, ни обычая, ни истории вверенного им народа. Даже и та связь, которая существовала между народом и властью через чечено-ингушскую интеллигенцию, была уничтожена с уничтожением этой интеллигенции. Чекисты стали монопольными хозяевами Чечено-Ингушской республики, с тем, чтобы ее окончательно ликвидировать через пять лет.

ХII. Чеченцев и ингушей не берут в Красную армию

К началу Второй мировой войны, таким образом, Чечено-Ингушская республика была полностью обезглавлена, а сам народ национально подавлен и политически обозлен до крайности. Тем не менее на призыв советской власти выступить на защиту родины, чеченцы и ингуши выставили две дивизии добровольцев — одну действующую, другую резервную.

В Чечено-Ингушетии во время царизма не существовало обязательной воинской повинности. Но отдельные чеченцы и ингуши служили и тогда в царской армии и дали русской армии ряд блестящих офицеров. (Маленькое ингушское племя дало даже одних высших офицеров — семь генералов, а чеченцы два. Один из этих чеченских генералов — генерал от Артиллерии Эрихсан Алиев, командовавший накануне русско-японской войны Вторым Западно-Сибирским Корпусом (1904-5 г.г.), во время этой войны, был даже временно главнокомандующим всем русским фронтом, вместо вышедшего из строя генерала Линевича. (см. «Военная энциклопедия» 1907 г. Москва).

Во время Первой мировой войны, чеченцы и ингуши дали по одному полку в состав, так называемой Туземной

Дивизии («Дикая дивизия»), покрывшей себя славой героизма и мужества в боях на Карпатах. Офицеры этой дивизии были опять таки сами горцы, а русские гвардийские офицеры считали для себя за честь служить в «Дикой дивизии». Командующим этой дивизии был сам брат русского царя Великий Князь Михаил Александрович. Характерно, что на протяжении всей войны не было ни одного случая дезертирства из Туземной дивизии. Характерно, опять таки, что эта же дивизия первой из всех русских дивизий выступила против подготовлявшегося большевистского переворота в Петербурге в знаменитом походе Корнилова на Петербург.

В начале Второй мировой войны (1939-45 г.г.) советское правительство не разрешило чеченцам и ингушам создать свои национальные формирования. Призываемые чеченцы и ингуши направлялись в русские части по одиночке, где они, не владея языком, несли службу «немых солдат», а командиры частей заставляли их есть общую пищу со свиной, что было противно их религиозному чувству и всему образу воспитания. Это обстоятельство, помимо всех прочих политических условий, служило немаловажной причиной массового дезертирства чеченцев и ингушей из Красной армии. Тогда советская власть издала приказ отказаться от призыва их в армию, а находящихся уже в армии освободить от службы. Это, конечно, вызвало большое разочарование, в первую очередь в чечено-ингушском офицерстве Красной армии. По инициативе чеченца советского генерала Супьяна Моллаева, ингуша полковника Абадиева, майора Висантова, капитана Ахтаева и др. советское правительство разрешило Чечено-Ингушской республике набрать добровольцев. Таким путем, за короткое время организовались две дивизии, одна из которых находилась при действующей армии Южного фронта. Это было после эвакуации красными Керчи. Командующий Южным фронтом, маршал Буденный, делавший осмотр беспорядочно отступавшим частям из Керчи и Крыма, выставив в Краснодаре две дивизии друг против друга, одну только что прибывшую на фронт чечено-ингушскую, другую только, что бежавшую из Керчи сюда, говорил, обращаясь к русской дивизии: — Вот смотрите, на них, горцев, их отцы и деды под руководством Великого Шамиля 25 лет храбро дрались и отстаивали свою независимость против целой царской России. Берите с них пример, как надо защищать родину!

Но ни действующая, ни запасная чечено-ингушская дивизии не были приняты на снабжение Красной армии и даже не имели своего номера. Они на этот раз действи-

тельно были «дикими дивизиями». Обмундированы они были самой Чечено-Ингушской республикой, оттуда же получали и провиант. Ободренные льстивыми словами маршала, офицеры попросили Буденного принять чечено-ингушские дивизии в армию и, следовательно, вооружить их по армейски (все вооружение этих дивизий состояло из одних шашек и из случайных винтовок самых разных систем). Многие из бойцов были босыми, так как домашние горские чувяки давно износились. Буденный обещал подумать. Пока Буденный думал, немцы перешли Дон и чечено-ингушская дивизия была в том же виде, без танковой или артиллерийской поддержки, брошена буквально под ураганный огонь немецких танков, стремительно рвущихся к Сталинграду. Под Котельниковым 4-го августа 1942 года немецкие танки и перешагнули через трупы многих бойцов этой дивизии. Маленькая же часть попала в плен, другая, во главе со штабом, сумела вырваться из окружения и отступила. Но разгром этой дивизии вместе с разгромом целых корпусов и армий Южного фронта, явился плохой аттестацией для всего чечено-ингушского народа.

ХІІІ. Восстание Исраилова 1940 года

Когда же, в связи с войной усилилось существовавшее уже беспрерывно два десятка лет партизанское движение в горах Чечено-Ингушетии, советская власть решила, что чеченцы и ингуши имеют связь с немцами. То обстоятельство, что теперь во главе антисоветского партизанского движения в горной Чечено-Ингушетии стали люди с большим образованием и политическим кругозором (это движение возглавлялось теперь юристом Маирбеком Шериповым и писателем Хасаном Исраиловым), НКВД стало строить свою лживую версию о том, что Чечено-Ингушским партизанским движением руководят немцы. Однако, достаточно указать на тот общедоступный для проверки факт, что находясь даже прямо у границ Чечено-Ингушской республики, немцы не перебросили в Чечено-Ингушетию ни одной винтовки, ни одного патрона. Перебрасывались только отдельные шпионы и большое количество листовок. Но это делалось везде, где проходил фронт. Но главное — возстание Исраилова началось еще зимой 1940 года, т. е. еще тогда, когда Сталин находился в союзе с Гитлером.

Характерной чертой повстанческо-партизанского движения Чечено-Ингушетии за последнее десятилетие заклю-

чалось в том, что вместо бывших духовных авторитетов — мулл и шейхов, во главе его постепенно становились люди чисто советские и политически вполне разбирающиеся во всех «тонкостях» как советской колониальной политики на Кавказе, так и ее империалистически-экспансивных стремлений в мировом масштабе. Для карьеры советских и партийных сатрапов на Кавказе перед ними была открыта дорога при одном условии: при их безусловной, идейной и физической поддержке, сталинской колониально-империалистической политики против собственного народа. Многие становились на этот гибельный для своего народа путь подлинной измены и коллаборации, что в конце концов не спасало их от собственной гибели. Советская власть в этом отношении ценит свои кадры совершенно также, как ее разведка исчерпавших агентов: высасывает из них весь сок, а останки сжигает, чтобы не оставить следов для контрразведки.

Но находились и такие, которые сознательно отказываясь от соблазнительных перспектив иллюзорной личной карьеры, становились во главе общенационального, беспримерно тяжелого, а в глазах многих и безнадежного, дела борьбы за свободу своего истерзанного и погибающего народа. К категории таких молодых национальных вождей Чечено-Ингушского народа и принадлежали Хасан Исраилов и Майрбек Шерипов.

Хасан Исраилов родился в 1910 году, в селении Нашхой Галанчожского района Чечни. В семье из шести братьев он был самым младшим. В 1929 году он окончил в Ростове на Дону среднюю школу. В том же году, уже будучи комсомольцем, вступил в ряды ВКП(б). Но активно в политических делах не участвовал и целиком посвятил себя творческой деятельности в области художественной литературы, к которой он имел не только личную страсть, но и большое призвание. Писал преимущественно стихи и пьесы. В силу этой своей профессии и не без внутренней потребности рассказать внешнему миру правду (насколько это возможно при советских условиях), Исраилов сделался постоянным корреспондентом московской «Крестьянской газеты». Но статьи Исраилова в «Крестьянской газете», сильные по аргументации и резкие по духу, имели только одну тему: как местные советские и партийные вельможи грабят чеченский народ. Под видом защиты общесоветских законов от местных исполнителей, Исраилов умело критиковал эти самые законы на конкретных примерах и людях. Конечно, такая «писательская карьера» не могла быть успешной и безнаказанной. До того, до чего не додумались в Москве, додумались местные

чекисты: весной 1931 года Хасан Исраилов был арестован и «за контрреволюционную клевету» и «за связь с бандой» осужден на 10 лет. Через три года, после энергичного вмешательства «Крестьянской газеты» и после того, когда выяснилось, что некоторые из чиновников, которых Исраилов критиковал, как «грабителей и взяточников», оказались ими и на самом деле, Исраилов был освобожден и даже восстановлен в партии. После своего освобождения Исраилов уехал в Москву на учебу в Коммунистический Университет трудящихся Востока им. Сталина (КУТВ). Этим временем вышло две книги его художественных произведений, написанных им в тюрьме.

Но Исраилов постепенно отходит от «поэзии» и переходит к активной политической деятельности. Уже будучи в Москве, совместно с другими чечено-ингушскими работниками, он подает заявление советскому правительству, что продолжение нынешнего курса советской политики неминуемо приведет к развязке всеобщего народного восстания — поэтому Исраилов и его друзья требуют смены курса и снятия с постов первого секретаря Обкома ВКП(б) Егорова и народного комиссара внутренних дел Раева. Советское правительство пересылает заявление «для проверки» на место — этим самым шефам республики. Проверка кончается обычным результатом: новым арестом Исраилова и его друзей. Когда же в начале 1939 года Раев и Егоров были арестованы как «враги народа», Исраилова освобождают.

Исраилова вызвали в Обком к новому секретарю Обкома Быкову и предложили подать заявление, чтобы вновь восстановить его в партии. Исраилов ответил, что подаст заявление на днях. Через неделю в Обкоме и было получено его заявление. В этом заявлении Исраилова, однако, говорилось: «Вот уже двадцать лет, как советская власть ведет войну на уничтожение моего народа по частям — то как кулаков, то как мулл и 'бандитов', то как 'буржуазных националистов', Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа. Поэтому я решил встать во главе Освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо понимаю, — писал в этом заявлении Исраилов, — не только одной Чечено-Ингушетии, но даже и всему национальному Кавказу трудно будет освободиться от тяжелого ярма красного империализма, но фанатичная вера в справедливость и законная надежда на помощь свободолюбивых народов Кавказа и всего мира, вдохновляют меня на этот в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а по моему убеждению единственно правильный исторический шаг. Храбрые

финны доказывают сейчас, что великая рабовладельческая империя бесильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь вторую Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы». Так писал Хасан Исраилов в январе 1940 года. Восстание в первые же дни имело успех. К началу февраля 1940 года Хасан уже овладел Галанчожем, Саясаном, Чаберлоем и частью Шатоевского района. Повстанцы вооружались за счет разоружения и разгрома карательных отрядов.

После очищения большинства горных районов от большевиков был созван буквально вооруженный народный съезд в Галанчоже и объявлено провозглашение «Временного народно-революционного правительства Чечено-Ингушетии» во главе с самим Исраиловым.

Заключение совето-финского договора было сильным моральным ударом по движению Исраилова, однако, Исраилов не терял надежды, что он будет поддержан не только другими народами Кавказа, но что в начавшейся Мировой войне погибнет и Сталин под ударом объединенных сил демократических держав. В своих воззваниях к народу Исраилов пророчит именно такой исход войны. Когда началась совето-германская война, разумеется, размах и масштаб восстания Исраилова разрослись. Новой ситуацией Исраилов воспользовался так, как это сделал бы любой другой на его месте — он предлагал воспользоваться борьбой германского народа против большевизма для освобождения всего Кавказа и объявления его полной независимости.

В феврале 1942 года, т. е., еще тогда, когда немцы находились у Таганрога (500 клм. от Чечено-Ингушетии), юрист Маирбек Шерипов, брат известного национального героя Чечни во время революции, поднял восстание в Шатое и Итумкале и присоединился к Исраилову. Тогда был создан объединенный военный штаб повстанцев и соответственно реорганизовано повстанческое правительство. Повстанцы уже имели сведения о практике Розенберга и Гиммлера в «освобожденной Украине». Поэтому повстанческое правительство выпустило «воззвание к чечено-ингушскому народу» (июнь 1942 года), в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев, как гостей и окажут им гостеприимство только при полном признании ими «Кавказской независимости». Не без влияния таких и им подобных воззваний главное командование немецкой Кавказской армии издало специальный приказ по армии, в котором указывалось на необходимость радикально иного поведения здесь немецкого солдата, чем это имело место на Украине и в других обла-

стях. Характерно так же и заявление вместе с Северо-Кавказским Национальным Комитетом перед Восточным министерством в конце 1942 года. Этот представитель при Остминистерии, что он уполномочен вождями восстания сообщить немцам, что если только «освобождение Кавказа будет заключаться в замене одних колонизаторов другими, то для кавказцев это явится лишь новым этапом продолжающейся национально-освободительной войны».

Однако, именно во время войны и большевики свирепствовали в тылу куда успешнее, чем на фронтах. Известно, что, например, в 1941—1942 годах советская военная авиация совершенно бездействовала на передовой линии против врага, не говоря уже об абсолютном отсутствии советской авиации над вражеским тылом. Но за то она безоглядно и варварски бомбила собственный тыл. Так в 1942 году весной, советская авиация подвергла дважды воздушной бомбежке всю Горную Чечено-Ингушетию. После этих бомбежек Красной армии в горах Чечено-Ингушской республики было столько жертв среди женщин, детей и стариков, сколько их бывает у воюющей армии на передовом фронте. В некоторых аулах Шатоя, Итум-Кале и Галанчожа жителей убитых воздушной и артиллерийской бомбежкой большевиков числилось больше, чем оставшихся в живых. Найти там раненого человека было редкостью. В те дни, когда Сталин устраивал этот ад над собственным народом, на Кавказе не было еще ноги ни одного немца. Даже тогда, когда немцы пришли на Кавказ (летом 1942 года), они ни разу не вступали на чечено-ингушскую территорию.

Вполне понятно, конечно, что чеченцы и ингуши, постоянно, методически и прямо таки провокационно истребляемые советской властью, глубоко презирали эту власть, но активно выступал против этой власти все таки не весь народ, а только часть его. Женщины, дети, младенцы на руках, зародыши в утробах матерей и глубокие старики, чечено-ингушские коммунситы, чечено-ингушские офицеры Красной армии, стахановцы — «знатные люди республики», чечено-ингушские агенты НКВД и «герои социалистического труда», — ведь они не были виноваты перед советской властью. И все таки Сталин исполнил приказ Николая I, хотя и с запозданием больше, чем на 100 лет: истребление горцев оказалось беспрецедентным в истории всех войн и народов — поголовно все оставшиеся в живых чеченцы и ингуши, балкарцы и карачаевцы в 1943—44 г.г. выселены с Кавказа, Куда они выселены и вообще существуют ли хотя бы остатки этих народов все еще на свете где нибудь в Сибири, или

в Средней Азии, об этом ничего неизвестно. Мир, который с таким затаенным дыханием следил за всяким колебанием температуры в больничных бюллетенях Косьенкиной, не интересуется даже адресом целых народов.

XIU. Как они были выселены

Вот как описывает, выселение чеченцев и ингушей, один из русских студентов-очевидцев, сообщение которого является во всех отношениях наиболее сглаженным и по другим источникам наименее «ужасным»:

«В 1943 году я прибыл в г. Грозный вместе с Грозненским нефтяным институтом из Коканда, который был туда эвакуирован в 1942 году во время немецкого наступления...

Создать настоящие колхозы в Чечне собственно так и не удалось никогда. Хотя в аулах и были представители «Заготзерно» и «Заготскот» и даже колхозные председатели, но в действительности все выглядело так, как будто крестьяне являются самостоятельными.

В горах действовали «банды», которые пользовались поддержкой горных аулов. После ликвидации Чечено-Ингушской республики газета «Грозненская правда» писала, что со времени существования советской власти «банды» на территории Чечено-Ингушетии убили около 20 тысяч красноармейцев и парработников.

Когда во время войны эвакуировалось в горную Чечню Грозненское военное училище, то чеченцы убили 200 человек слушателей этой школы. В конце 1943 года в городе распространился слух, что чеченцы и ингуши будут выселены, но об этом только шептались друг другу. Во второй половине января и в первую половину февраля в Грозный начали прибывать в большом количестве особые части войск НКВД на трех и пятитонных американских грузовиках «Studebaker». В газетах появились воззвания к народу: «Приведем дороги и мосты в образцовое состояние!» или «Поддержим нашу дорогую и любимую Красную армию в ее горных маневрах!» Так войска заняли все горы и каждый аул имел свой маленький гарнизон.

Наступил день Красной армии — 23 февраля 1944 года. Вечером того дня красноармейцы развели огни на площадях аулов и начали пение и танцы. Жители аулов, ни в чем не сомневаясь, собрались на это торжество, как зрители. Когда таким образом большинство жителей собралось на площади, были арестованы все мужчины. Некоторые чеченцы имели оружие и во многих местах началась стрельба. Но сопротив-

ление скоро было сломлено. Арестованные на площадях мужчины были заперты в сараи и началась охота за теми, которые не были на площади. Вся акция была проведена в 2—3 часа. Женщины не были арестованы, но их предупредили, чтобы они запаковали вещи и вместе с детьми были готовы на следующий день к выезду.

Одновременно в Грозном была объявлена мобилизация студентов и домохозяек, которые не были заняты на фабриках. Вечером 23 февраля в общежитие института пришел директор, который предложил всем студентам собраться к 6 часам утра у здания института. Мы должны были взять пару лишнего белья и питание на три дня. Появились так же студенты Педагогического института. Когда собрались у Института, мы увидели много «Studebaker», наполовину нагружены красноармейцами. Таким образом мы были, по тщательно разработанному плану, распределены по аулам 20—30 человек на аул. Когда мы 23 февраля прибыли в аулы, нас удивила господствующая всюду тишина. Через полчаса после нашего прибытия на те же машины были погружены, арестованные накануне, мужчины, женщины и дети. Потом они были пересажены в товарные поезда, которые стояли наготове в Грозном. Чеченцы и ингуши были забраны без исключения. Дагестанцев оставили в покое, в нашем ауле их было до 7—8 человек.

Задача студентов заключалась в том, чтобы до прибытия переселенцев из Курской и Орловской областей, держать хозяйство в порядке. Мы должны были собирать скот, кормить его, принять зерно, инвентарь и т.д. В горных аулах эту акцию провели иначе. Отсюда был эвакуирован весь скот и тогда сожгли аулы, чтобы лишить «бандитов» базы для существования. Днями можно было наблюдать в горах горящие аулы. Одновременно была объявлена амнистия для ушедших в горы, если они явятся добровольно. Фактически некоторые из них и явились, но были так же выселены...» «Прометеус», № 3, март 1949 года Аугсбург. Издатель — Иван Тихойкий.

По свидетельству других очевидцев, определенная часть чечено-ингушского народа была уничтожена на месте (группами расстреляны), а выселили, главным образом, женщин, детей и тех из мужчин, в лояльности которых не было сомнения даже у НКВД. Из имущества только женщинам разрешили забрать ручной багаж. Ужасная трагедия продолжалась и на пути. Погруженные в арестантские товарные вагоны люди не получали сутками не только пищи, но и воды. Так как путешествие продолжалось неделями и даже

месяцами, то отсутствие пищи, воды и медицинской помощи в переполненных вагонах, где люди буквально сидели один на другом, начались массовые заболевания. По единодушному свидетельству еврейских беженцев из Средней Азии среди переселенных уже на пути вспыхнул тиф, который скосил не менее 50% выселенцев. Власть старалась только локализовать его на чеченцах и ингушах, чтобы таким «естественным» образом избавиться от все еще хватающихся за жизнь обреченных людей. Местному населению было категорически запрещено оказывать помощь умирающим подачей пищи, воды или даже медикаментов. Даже простое проявление человеческого сочувствия погибающим женщинам и детьми каралось арестами. Мои упорные старания установить хотя бы приблизительно процент погибших, умерших или расстрелянных чеченцев и ингушей во время всего этого кошмара, оказались тщетными. Очевидцы называют иногда такой высокий процент, что просто не хочется верить в реальность столь чудовищной инквизиции, даже на большевистской земле. Однако, ниже 50% не называет никто из опрошенных мною свидетелей.

Совершенно такая же была расправа над другими северо-кавказцами — балкарцами и карачаевцами. Балкарцы (120 тысяч человек) и карачаевцы (170 тысяч человек), не признававшие фактически никогда советской власти, принадлежат к группе тюркских народов и вместе с другими северо-кавказскими племенами героически боролись за веру и независимость. Карачаевцы составляли свою отдельную «Карачаевскую Автономную Область» и по своему трудолюбию и самобытности являлись одним из самых сохранившихся кавказских народов.

На их территории побывали немцы и они немцев принимали совершенно так же, как их принимали в первые годы на Украине, Белоруссии, Смоленске, т. е., с «хлебом-солью». В приходе немцев они хотели видеть избавление от деспотизма большевистского самодержавия, как этого жаждали и все народы СССР.

ХУ. За что же они уничтожены?

Трагедия чечено-ингушского народа воспроизводит в миниатюре общую картину положения угнетенных народов Советского Союза. Выселения чеченцев и ингушей с Кавказа только наглядно свидетельствует, что так называемая

Ленинско-Сталинская национальная политика является на деле политикой не только духовного закрепощения, политического гнета, но и физического истребления свободлюбивых народов. Мотивы советского правительства, что чеченцы выселены за коллаборацию с немцами во время войны являются смехотворными и лицемерными, ибо, как уже указывалось, во первых немцы во время этой войны ни разу не вступали на территорию Чечено-Ингушской республики, во вторых чечено-ингуши не служили во Власовской армии, т. к., не будучи мобилизованы в Красную армию, не могли попасть в плен к немцам или переходить на сторону немцев.

Что же касается утверждения советского правительства, что в тылу Чечено-Ингушетии буйствовали антисоветские отряды, то это — сущая правда. Но само же советское правительство хорошо знает из истории Российской Империи, что эти отряды действовали там каждый раз, когда чужеземный завоеватель навязывал горцам свою волю, т. е., задолго до появления не только Гитлера, но и самого Сталина. Ведь это исторический факт, что Северо-Кавказское Независимое Горское Государство (Имамат Шамиля) пало лишь 53 года до появления советской власти (1864 г.).

Не за коллаборацию, не за «террористические банды», а за продолжение вековой, исторически правомерной и политически целеустремленной, национально - освободительной борьбы за свободу и независимость уничтожены физически чеченцы и ингуши и ликвидирована их республика. На маленьком Кавказском участке в горах Чечни и Ингушетии столкнулись два мира: Колос полицейского произвола — советская Москва и островок свободы человеческого духа — Чечено-Ингушетия. То, что происходит сейчас во всемирном масштабе, как соревнование между злом и добром, между демократией и тоталитаризмом, разыгрывалось в горах Кавказа десятилетиями при полной неосведомленности или даже безучастности самой мировой демократии.

В мире эта борьба продолжается и далеко не ясен ее исход, но на Кавказе она кончилась гибелью Чечено-Ингушетии.

То, что требовал Николай I более 100 лет тому назад «покорение или истребление непокорных горцев» осуществил Сталин в худшем варианте.

Уничтожение чечено-ингушского народа, как центральной силы восточного Кавказа является только началом общей политики по искоренению и выселению других кавказских народов. Советы учитывают, что в случае 3-й Мировой войны, на этот раз войны между демократией и тоталитаризмом, — Кавказ станет на сторону демократии в борьбе против советского империализма. Но ввиду исключительной важности Кавказа, являющегося стратегическим хребтом всей советской ближне-восточной и Пакистано-Индийской политики, большевики решили не только избавиться от эвентуального внутренне-Кавказского второго фронта, но и завершить то, что не удалось доделать царским завоевателям. А именно, создать на Кавказе новый колониально-колонизаторский и военно-полицейский корпус иноземцев, подчиненных, исполнительных и послушных в деле защиты советских имперских интересов.

Полным уничтожением чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев и частичным уничтожением дагестанцев, осетин, кабардинцев и черкесов с Северного Кавказа и заселением сюда более чем миллионного населения советских колонизаторов, большевики уже вбили первый клин между братскими народами Кавказа. Групповые выселения в порядке ликвидации националистических элементов в Азербейджане, Армении и Грузии дооплняют общую картину Кавказской политики Москвы. При этом надо иметь ввиду, что не только судьба Дагестана, но и Черноморского побережья Грузии, родины Берия и самого Сталина, во время истекшей войны висела на волоске. Однако нет никаких сомнений, что если только стратегические соображения и советские имперские интересы потребуют в будущей войне радикального разрешения Кавказского вопроса, Кавказ может оказаться без единого кавказца.

Экономическое же значение Кавказа в дополнении к его стратегическому месту еще более усугубляют трагедию кав-

казских народов. Источник национального благоденствия во всяком правовом государстве или же в благоустроенной колонии — внутреннее экономическое богатство Кавказа (нефть, цинк, марганец, руда и т. д.) стало источником национального несчастья в руках колонизаторов.

Советская власть, национализировав эти богатства и узурпировав права кавказских народов на них, сделала их очагами каторжного труда для местного населения. Дешевых рабочих — рабов должен поставлять Кавказ, а рабовладельцами являются сами колонизаторы. Этими мерами большевики сознательно обостряют отношения между русскими и кавказцами, чтобы легче было управлять теми и другими («разделяй и властвуй»!).

Таким образом причинами уничтожения горцев являются: 1) перманентная борьба за национальную независимость горцев и фактическое не признание ими деспотической системы советского колониального режима, 2) желание Москвы обезопасить Кавказ, как тыл, в будущих столкновениях с Западом от неизбежного внутреннего обще-кавказского национального фронта против советской метрополии, 3) ясно обозначенный курс советского правительства взять окончательно в империские руки ведущую и основную для всего Советского Союза Кавказскую нефтяную экономику и 4) не только держать Кавказ, как стратегическую базу, вне внутренней опасности и уязвимости, но превратить его в надежный плацдарм для будущей экспансии против Турции, Ирана, Пакистана и Индии. Таковы недекларированные, но бесспорные мотивы, которыми руководствуются кремлевские владыки в своей политике истребления Кавказских народов. Первой жертвой этой волчьей политики и стал один миллион горцев — чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения 2 документа	
I. Северный Кавказ	
II. Русская революция 1917 года и восстано- вление северокавказской независимости . .	
III. Горская советская республика	
IV. Советские вожди в Чечено-Ингушетии . .	
V. Принудительная коллективизация и воору- женное восстание чеченского народа . . .	
VI. Восстание в Ингушетии	
VII. НКВД создает „Националистический центр Чечни“	
VIII. НКВД создает „бандитов“	
IX. Прием чечено-ингушской делегации у Орджоникидзе	
X. Образование Чечено-Ингушской республики и визит к матери Сталина	
XI. Генеральная операция 1937 года	
XII. Чеченцев и ингушей не берут в Красную армию	
XIII. Восстание Исраилова 1940 года	
XIV. Как они были выселены	
XV. За что же они уничтожены?	

Книги А. Авторханова, изданные в СССР

„К основным вопросам истории Чечни“
Грозный, 1930 г.

„Краткий историко-культурный и этно-
номический очерк о Чечне“, 1931 г., Ростов-
на-Дону.

(Эти две книги указаны в разделе
„Литература о Чечне“, БСЭ т. 61, стб. 529, 530).

„Революция и контрреволюция в Чечне“
(из истории гражданской войны в Тифлисской
области), 1933 г., г. Грозный.

„Объединение, рожденное революцией“
партиздат, 1934 г.

„Революция 1905 г. на Северном Кавказе“
Чечено-ингушский научно-исследовательский
институт, 1935.

А. Авторханов, А. Мациев, Х. Яндиев
„Научная грамматика чеченского языка“
1936 г., г. Грозный.

Книги, изданные за рубежом

ALEXANDRE OUBALOV
„Staline au Pouvoir“

А. Авторханов (А. Умаров)
исторической науки в СССР